

На правах рукописи

Айзикова Ирина Александровна

Жанрово-стилевая система прозы В. А. Жуковского

Специальность 10.01.01. – русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора
филологических наук

Томск - 2004

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы филологического факультета Томского государственного университета

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор Фаина Зиновьевна Канунова

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Раиса Владимировна Иезуитова

доктор филологических наук, профессор Людмила Алексеевна Ходанен

доктор филологических наук, профессор Юрий Васильевич Шатин

Ведущая организация:

Тверской государственный университет

Защита состоится «9» июня 2004 года на заседании диссертационного совета Д.212.267.05. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Томском государственном университете (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета

Автореферат разослан « 8 » мая 2004 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,

кандидат филологических наук

профессор _____ Л. А.Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Бурный всплеск интереса к наследию первого русского романтика, во многом связанный с изучением материалов его библиотеки и архива, позволил науке о литературе в последние два-три десятилетия открыть нового Жуковского, почувствовать масштаб его личности и творчества. Сегодня можно констатировать, что многие грани его энциклопедического дарования осмыслены и документально конкретизированы. Это делает очевидной необходимость постановки ряда новых проблем. Одна из важнейших среди них, определяющая **актуальность** избранной нами темы, - проблема национального значения прозы Жуковского как особого и вместе с тем органичного явления отечественной словесности 1800-1840-х гг. Мало известная не только широкому кругу читателей, но до последнего времени практически не привлекавшая внимания и исследователей, проза Жуковского, как показывает работа томских ученых над изданием Полного собрания сочинений и писем писателя, еще даже не собрана. Многие, хранясь в писательских архивах, остаются неточно датированным, несистематизированным, неопубликованным и, следовательно, не введенным в научный оборот. Актуальность изучению данного материала придает и факт явно выраженного в нем характера переходности от сентиментализма к романтизму, и активное взаимодействие прозы Жуковского с поэзией, а с другой стороны, с такими сферами духовной деятельности человека, как философия, история, этика, психология, эстетика. В этом плане диссертация соотносится с наиболее сложными и спорными теоретическими и историко-литературными проблемами современного литературоведения. Она вписывается в усиливающийся в последнее время научный интерес к осмыслению «прозаизации» стиха и «поэтизации» прозы, «механизмов» динамики литературного процесса, мифолого-онтологических, религиозно-нравственных, философско-эстетических основ художественного творчества, а также к обновлению концепции истории отечественной прозы, в частности такого ее периода, как первая треть XIX века.

Решению этих вопросов на конкретном историко-литературном материале и посвящается наше исследование. Его **цель** – изучение прозы Жуковского как многогранной и целостной, закономерно развивающейся художественной системы, в связи с чем в работе ставятся следующие исследовательские **задачи**:

1) представить, по возможности, полный корпус прозаического наследия Жуковского, уточнить датировки текстов, ввести в научный оборот неопубликованные архивные материалы и на этой основе выделить основные этапы эволюции Жуковского-прозаика в соотношении с общей периодизацией творчества писателя;

2) осмыслить своеобразие взглядов Жуковского на русскую художественную прозу как определенную критико-эстетическую систему;

3) показать специфику прозы Жуковского периода формирования его этико-философской и эстетической системы, представив первые опыты Жуковского-прозаика как лабораторию повествовательных форм;

4) рассмотреть прозу писателя периода его работы в «Вестнике Европы», определив место «промежуточных» жанров и повести в поисках Жуковского-прозаика 1807-1811 гг.;

5) проанализировать прозу Жуковского периода его «романтических манифестов» как этапа на пути к «философской» прозе 1830-1840-х гг.;

6) выявить своеобразие проблематики и художественные особенности поздней прозы Жуковского и выработать адекватные способы ее прочтения;

7) определить место и роль прозы Жуковского в его творческой эволюции, охарактеризовав динамику взаимодействия поэзии и прозы писателя;

8) обозначить место прозы Жуковского в истории русской прозы и словесности XIX века в целом.

В *истории изучения* творчества Жуковского, какие бы времена она ни переживала, проза писателя всегда оказывалась на заднем плане. Специально прозе Жуковского при его жизни была посвящена только одна статья, написанная П. А. Вяземским – «Сочинения в прозе В. А. Жуковского». Вместе с тем, споры вокруг поэзии Жуковского, статьи таких его современников, как О. Сомов и В. Кюхельбекер, Н. Полевой и особенно В. Белинский, посвященные его поэзии, ее нравственной природе, имеют большое методологическое значение для изучения Жуковского-прозаика. Особый вклад в исследование творчества Жуковского и его прозы, сделан А. Д. Галаховым, М. Н. Лонгиновым, П. А. Ефремовым, И. А. Бычковым, А. С. Архангельским, В. И. Резановым, А. Н. Веселовским, а в XX в. – Г. А. Гуковским, И. М. Семенко, Р. В. Иезуитовой, Н. Н. Петруниной.

Настоящей же точкой отсчета для реферируемого исследования стала трехтомная коллективная монография «Библиотека В. А. Жуковского в Томске» (1978-1988) и труды томских филологов Ф. З. Кануновой, А. С. Янушкевича, Н. Б. Реморовой, Э. М. Жилияковой, О. Б. Лебедевой, в которых была выработана плодотворная и перспективная методология изучения творчества писателя. Здесь была убедительно доказана необходимость и важность системного подхода к творческому наследию Жуковского, с которого, как справедливо указывает Ф. З. Канунова, «начинается в литературе XIX века блестящая плеяда классиков <...>, отличающихся подлинным универсализмом мышления, в творчестве которых были неразрывно слиты поэзия и философия, история и педагогика, эстетика и естествознание» [Канунова Ф. З. Некоторые проблемы идейного и творческого развития В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске: В 3 т. Т. 2. Томск, 1984. С. 4].

Важное значение для исследования прозы писателя имеют работы Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова, В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского, В. Б. Шкловского, Р. О. Якобсона. Посвященные проблемам теории стиха, эти исследования впервые ставили такие принципиальные для понимания прозы Жуковского вопросы, как стиховое слово и слово прозаическое, функция ритма в стихе и в прозе, взаимодействие поэзии и прозы и др. Для современного этапа изучения русской литературы XIX в. и творчества Жуковского в том числе это направление можно считать одним из приоритетных (работы Ю. М. Лотмана, М. М. Гиршмана, М. Ю. Лотмана, В. Э. Вацура, П. А. Руднева, А. В. Чичерина, Г. Н. Поспелова, Ю. Б. Орлицкого, В. Шмида и др.). Наконец, для изучения прозы

Жуковского чрезвычайно значимы такие проблемы, как беллетризация, философизация прозы, и посвященные им работы Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума, В. М. Жирмунского, Ю. М. Лотмана, В. М. Марковича, Е. К. Ромодановской, Л. Я. Гинзбург, В. А. Кошелева, Е. И. Анненковой, Н. Л. Вершининой и др.

Предмет нашего **исследования** - прозаическое наследие Жуковского в полном его объеме, включая архивные материалы. Проза Жуковского рассматривается в контексте материалов его библиотеки, эстетики и критики, поэзии и эпистолярия, а также в связи с проблемами и этапами развития русской прозы XIX века.

Уже самый беглый взгляд на материал показывает, что Жуковский, понимая широту возможностей прозы в изображении мира и человека, пользуется этим термином для определения не только собственно художественной, сюжетной прозы, но и прозы философской, публицистической, литературно-критической. При публикации в журналах оба типа прозы Жуковского входили, хотя и в разных рубриках («Повести» и «Смесь»), но все же в общие разделы «Изыщная словесность» или «Проза». В составе же собрания сочинений писателя повести, публицистика, эстетика, критика, документально-философские и т. д. произведения попадали, без какой бы то ни было рубрикации, в один том, который озаглавливался «Сочинения в прозе».

Корпус прозы Жуковского оказывается достаточно обширным и вместе с тем внутренне настолько подвижным, неканоническим, что целому ряду произведений невозможно дать однозначное жанровое определение и даже отнести их к тому или иному типу прозы. Это делает необходимым обратиться в нашем исследовании к таким понятиям, как «промежуточные жанры» (Ю. Н. Тынянов), «бесфабульная проза» (Б. В. Томашевский), «вымысел» и «домысел» (А. И. Белецкий), «вымысел» и «замысел» (Л. Я. Гинзбург), «внутренняя мера» текста (Н. Д. Тamarченко). Данная терминология и стоящий за ней подход предоставляют возможность не только очертить границы объема прозаического наследия Жуковского (и соответственно нашего исследования), определяющиеся специфическим пониманием поэтом-романтиком категории «проза», но и провести эволюционную линию творчества Жуковского-прозаика, соединив ее с общей логикой развития русской прозы первой половины XIX в.

Однако, категория «проза» не является для Жуковского безграничной, не обозначает любой авторский текст, основанный на прозаическом принципе его организации. В этом плане весьма показательна история прижизненной публикации прозы Жуковского отдельными изданиями или в составе его собраний сочинений. Ряд прозаических произведений был введен Жуковским уже во второе издание его сочинений (1818 г.), в котором они составили отдельный том (т.4). Озаглавленный «Опыты в прозе», он включил в себя повести «Марьяна роща», «Три сестры» и статьи «О критике», «О басне», «О сатире», «Писатель в обществе» и «Кто истинно добрый и счастливый человек». Корпус этих сочинений, с добавлением «Путешествия по Саксонской Швейцарии», «Отрывков из письма о Швейцарии 1821 г.» и «Рафаэлевой «Мадонны», вошел и в состав отдельного тома прозы, который был издан Жуковским в 1826 г. уже под заглавием «Сочинения в прозе», в дополнение к 3-му изданию «Стихотворений Василия Жуковского» (1824), а также в состав 4-го (1835-1844 гг.) и 5-го (1849 г.) изданий Собрания

сочинений писателя. В четвертом издании содержание тома пополнилось «Отрывками из письма о Швейцарии 1833 г.», «Воспоминаниями о торжестве 1834 г.», «Чертами истории государства Российского», статьями «Взгляд на землю с неба», «Последние минуты Пушкина» и другими поздними произведениями. Том прозы (7-й) в последнем прижизненном издании повторил прозаический том предыдущего собрания сочинений. В посмертные тома 5-го издания – XI-й и XIII-й – вошла поздняя (1830-1840-х гг.) проза Жуковского – публицистика, религиозно-философские и эстетические статьи. Архив писателя, а также его переписка с П. А. Плетневым дают достоверное представление об авторской концепции XI-го тома, который сам писатель называл томом «святой прозы» и «целым томом».

Кроме того, осмысляя проблему отбора материала для нашего исследования, мы сталкиваемся с вопросом о месте переводов Жуковского в его прозаическом наследии. Опору и здесь помогает обрести сам писатель, давно выявивший одну из важнейших особенностей своего творчества. В письме к Н. В. Гоголю от 6/18 февраля 1847 г. он писал: «Я часто замечал, что у меня наиболее светлых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение или в дополнение чужих мыслей. Мой ум, как огниво, которым надобно ударить об камень, чтобы из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества; у меня почти все или чужое, или по поводу чужого – и все, однако, мое» [Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 544]. Такая установка Жуковского позволяет считать переводы, в том числе и прозаические, органичной частью его творческого наследия. Неслучайно при жизни писателя выдержали два издания его «Переводы в прозе» (1816-1817 гг. и 1827 г.), представляющие избранную прозу 1807-1811 гг. из «Вестника Европы» (повести и произведения «промежуточных жанров»), а также переводы романов и повестей Коцебу, Флориана, флорианова перевода «Дон Кихота» Сервантеса.

Итак, основной корпус текстов, органично соединяющий переводы и собственные сочинения, художественные произведения и публицистические, эстетические, философские и т. д. статьи, во многом позволяет установить историю публикаций прозы Жуковского отдельными изданиями и в составе собраний сочинений или переводов. Однако следует учитывать тот факт, что многие сочинения и переводы в прозе Жуковский представлял на суд читателей первоначально на страницах периодических изданий и при этом далеко не все, печатавшееся в периодике, он включал в свои собрания сочинений, что делает подвижным не только внутреннее содержание корпуса прозы писателя, но и его внешние границы.

Наконец, представляется необходимым в рамках темы диссертации обратиться и к незавершенным и неопубликованным при жизни писателя (по разным причинам) прозаическим произведениям Жуковского, поскольку это позволит проникнуть в лабораторию его творческих поисков.

Таким образом, прижизненные публикации прозы Жуковского, а также незавершенные и неопубликованные прозаические замыслы писателя, равно как и некоторые его эстетические идеи, показывают, что принадлежность произведения к сюжетной или бессюжетной прозе не означает для Жуковского ограничения при определении пределов художественной прозы. В связи с этим, допуская возможность различных вариантов ответа на вопрос об объеме прозаического наследия Жуковского, в нашем исследовании мы пользуемся избранными самим

Жуковским в отношении к прозе принципами и авторской установкой на публикацию того или иного произведения или, по крайней мере, его связью с творческими поисками писателя. В соответствии с этим в наше исследование не вошла дневниковая и эпистолярная проза Жуковского, за исключением писем, трансформированных самим Жуковским в статьи, предназначенные для публикации. За рамками работы остались планы и конспекты, составленные в связи с педагогической деятельностью, эстетические и литературно-критические выписки и конспекты, арзамасские протоколы, «записки» официальным лицам и т. п. Эти материалы привлекаются по мере необходимости, в качестве контекста к основному в данном исследовании материалу

Стержнем работы является, во-первых, мысль о такой особенности природы поэтической индивидуальности Жуковского, наиболее полно раскрывшейся при изучении его библиотеки, как принципиальная склонность к философским, нравственно-этическим, а в последние годы и к нравственно-религиозным исканиям. «Традиционные представления об общественной индифферентности поэта, о его эстетической неподготовленности, неразвитости философских и исторических воззрений вряд ли могут удовлетворить сегодня», - пишет один из ведущих исследователей Жуковского. Творческую индивидуальность Жуковского ученый видит в «органичном синтезе мыслителя и художника» [Янушкевич А. С. Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск, 1985. С. 8]. Здесь следует искать истоки принципиального, не прекращавшегося в течение всего творческого пути, интереса Жуковского-поэта к эпосу и к прозе, а также корни эволюции Жуковского-прозаика.

Во-вторых, важнейшей методологической опорой в исследовании прозы Жуковского должна служить, на наш взгляд, мысль отечественных филологов об еще одной особенности творческой психологии писателя – о его тяготении к целостности взгляда на человека и мир, что было связано как с идеями романтического универсализма, с веяниями времени, так и с психологической индивидуальностью Жуковского. Обращение писателя в 1830-1840-е гг. к религии органично слилось с его поиском идеи синтеза, общей основы бытия и сознательным поворотом к прозе как к «поэзии мысли». В связи с этим осмысление прозы Жуковского как цельного явления, как жанрово-стилевой системы представляется вытекающим из самой природы художественного сознания писателя.

Системность в предлагаемой диссертации понимается в разных аспектах. Безусловно, основным для нас является исследование *собственно прозаического наследия Жуковского как системы*, созданной поэтом-романтиком и потому отличающейся принципиальной подвижностью, свободой, открытостью, синтетизмом, и в то же время целостностью, закономерной логикой своего развития и известной самостоятельностью. Вместе с тем, для нас принципиальна мысль об *органике прозы Жуковского в его творческой системе в целом* и, в связи с этим, о сложном взаимодействии прозы писателя со всеми сферами и уровнями его духовной деятельности. В первую очередь следует подчеркнуть, конечно, взаимосвязь прозы, лирики и лиро-эпоса Жуковского. Неслучайно этапы становления Жуковского-прозаика органично вписываются в русло его эволюции как поэта. Не менее важным является и взаимодействие процессов становления Жуковского-мыслителя, историка, педагога, эстетика, общественного деятеля и

Жуковского-прозаика. В разные периоды творчества обращение Жуковского к прозе имело свой определенный смысл, на первый план выдвигались те или иные уровни системы, в зависимости от социально-философских, нравственно-эстетических исканий и самого Жуковского, и времени. В целом же интерес поэта-романтика к прозе, его активные и целенаправленные жанрово-стилевые поиски в этой сфере – свидетельство общих глубинных сдвигов, происходивших в русской литературе первой трети XIX в. и определявших ее закономерное, объективное движение в сторону прозы. В этом плане *проза Жуковского* представляется нам важной, уникальной и вместе с тем характерной составляющей русской прозы и всего русского литературного и шире культурного процесса XIX века. Системный подход позволяет, таким образом, не только рассмотреть прозу Жуковского как единое и одновременно весьма разнообразное (по жанрово-родовой специфике и вытекающей отсюда тематике, проблематике, типу повествования и т. д.) целое, имеющее определенную логику развития, но и вписать ее во многие историко-культурные контексты.

Сущностью рассматриваемого материала обусловлена **методология диссертации**, в которой взаимодействуют приемы теоретико-типологического, историко-генетического, культурно-исторического анализа.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые предпринята попытка выделить прозу В. А. Жуковского (в полном объеме, включая архивные, неопубликованные материалы) в самостоятельный предмет системного изучения, которое показало, что 1) Жуковский-прозаик прошел определенный и вполне закономерный путь развития - от 1800-х к 1840-м гг. - в контексте литературно-исторической и культурно-исторической традиций своего времени (в связи с чем очевидными представляются творческие взаимосвязи прозы Жуковского и Карамзина, Муравьева, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, славянофилов, а также представителей литературы второй половины XIX века – Герцена, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова и русских религиозных философов рубежа XIX-XX веков); 2) существуют системные закономерности, связи как отдельных этапов в творческой эволюции Жуковского-прозаика, отдельных пластов его прозаического наследия, так и процесса дифференциации и взаимодействия стиха и прозы в творчестве Жуковского, позволяющие прояснить понимание не только поэтики прозы первого русского романтика, логики его художественного развития в целом, но и жанрово-родовой динамики русской литературы 1800-1840-х гг.; 3) поздняя проза Жуковского (в диссертации она впервые систематизирована, целостно осмыслена и в ряде случаев впервые введена в научный оборот), отличающаяся взаимопроникновением художественности и метафизического философствования, наиболее полно выражающая его главную идею – синтеза, занимает особое место в творческом развитии писателя и одно из центральных мест в русской философской прозе 1830-1840-х гг.; 4) существенны взаимодействия переводной и оригинальной прозы Жуковского в рамках его прозаического наследия как целостной системы, а также эволюция их соотношения от раннего периода творчества к позднему; не менее важны в связи с этим литературные взаимосвязи Жуковского-прозаика и таких мастеров западноевропейской прозы, как Руссо, Сервантес, французские моралисты, немецкие романтики и др.; 5) глубоко содержательна и репрезентативна как для творчества Жуковского, так и для русской прозы в целом

динамика соотношения собственно художественной (сюжетно-беллетристической) и философско-публицистической прозы, раскрывающая жанрово-стилевые поиски Жуковского-прозаика; 6) сквозь индивидуальные особенности прозы Жуковского как художественной системы пролегают важнейшие линии развития русской прозы (проблематика, образы, мотивы, соотношение в повествовании автора и героя, дискурса и нарратива и др.), в чем выражается характерная диалектика преемственности между романтизмом и классическим русским реализмом XIX века; 7) взгляд на прозу Жуковского в целом как на развивающуюся художественную систему, органично соотносящуюся с его лирикой, а с другой стороны с большим историко-литературным и историко-культурным контекстом 1800-1840-х гг., выявляет поэтичность, лирическое начало и философичность как основные тенденции, определяющие своеобразие произведений Жуковского в прозе, привносящие в них особое состояние нравственно-этического поиска, жизнетворчества.

Научно-практическая значимость работы определяется тем, что полученные диссертантом научные результаты позволяют расширить и углубить представление как о художественной системе романтизма Жуковского, так и об истории, эстетике и поэтике русского романтизма в целом. Кроме того, диссертация имеет большое эдиционное значение, будучи тесно связанной с работой над изданием Полного собрания сочинений и писем В. А. Жуковского. Практическую ценность придает диссертации и возможность использования ее материалов и выводов в вузовской практике преподавания ряда дисциплин историко-литературного профиля, при разработке спецкурсов и проведении семинаров, посвященных актуальным проблемам творчества Жуковского, русской романтической прозы, русской философской прозы и др.

Апробация работы: по результатам диссертации были прочитаны доклады на международных, всероссийских, межвузовских научных конференциях: «Проблемы литературных жанров» (Томск, V-X; 1985-2001), «Литературное произведение: сюжет и мотив» (Новосибирск, 1999), «Американский и сибирский фронт» (Томск, 2001), «Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты» (Томск, 2001), «Мир романтизма (X-е Гуляевские чтения)» (Тверь, 2002), «Русская литература в современном культурном пространстве», «Теоретические и прикладные аспекты филологии», «Мир и общество в ситуации фронта: проблемы идентичности», «Мировоззренческие реконструкции традиционного сознания в евроазиатском сообществе: стереотипы и трансформация», «Филология и философия в современном культурном пространстве» (Томск, 2003), «Кирилло-Мефодиевские чтения» (Томск, Новосибирск, 1998-2003). Некоторые разделы работы, связанные с изданием ПССиП В. А. Жуковского, обсуждались на семинарах редакционной коллегии. В частности, был обсужден специальный том ранней прозы Жуковского, редактором которого является автор данного исследования. Материалы диссертации использовались при проведении спецсеминара «Пути русской литературы к прозе (первая треть XIX в.)». По теме диссертации опубликовано 32 работы (монография, разделы в коллективной монографии «Библиотека В. А. Жуковского в Томске» и в монографии, написанной в соавторстве с Ф. З. Кануновой, статьи), а также примечания к 31 тексту в ПССиП В. А. Жуковского (т. 1-2).

Структура работы обусловлена поставленными целями и задачами. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается выбор темы диссертации, актуальность ее проблематики, очерчивается круг материалов, определяются цели и задачи исследования, формулируются его основные аспекты. Кроме общего обоснования системного подхода к прозе Жуковского, во введении рассматривается эстетика прозы писателя, его взгляды на русскую прозу, тоже представляющие собой вполне законченную, хотя и необычайно динамичную систему.

В первой главе «Проза В. А. Жуковского периода формирования его этико-философской и эстетической системы (1797-1806)» анализируется начало жанрово-стилевых поисков писателя в области прозы, развитие которой сразу пошло по пути оригинального творчества и переводов. Причем изначально оказались взаимосвязанными процесс становления прозы Жуковского и его этико-философской системы. Рождение интереса Жуковского к прозе, как к собственно художественной, так и к философской, публицистической, литературно-критической, происходило на фоне творческих устремлений Н. М. Карамзина, М. Н. Муравьева, русского масонства, а с другой стороны – в русле развития собственной лирики Жуковского.

В первом разделе определяется место и значение самых ранних подступов писателя к прозе. В частности, рассматриваются его пансионские сочинения, публиковавшиеся в изданиях Московского Университетского благородного пансиона. Конечно, они носят экспериментальный характер, но уже тот факт, что это были первые опыты, позволяет увидеть в них принципиальные основы прозы начинающего писателя. В этом плане весьма показательны, что уже ранние прозаические миниатюры Жуковского были призваны выразить авторский угол зрения на мир и человека, создать общую картину мироздания, которая и является главным объектом его дискурса. Весьма характерно, что в первых опытах Жуковского в прозе очевидно принципиально влияние традиций описательной поэзии Томсона и Грея, прежде всего выдвижение на первый план медитативности и одновременно описательного элемента для передачи концепции «благой природы», тесное переплетение традиционных поэтических тем природы и смерти и связанные с этим элегические оссианические мотивы.

Осмысление «языка» ранней оригинальной прозы Жуковского связано в первую очередь с постановкой проблемы ее жанрово-родовой специфики. Сложность ситуации заключается в том, что, с одной стороны, Жуковский воспитывался на лучших образцах канонических жанров классицизма и сентиментализма. С другой стороны – именно Жуковский начинает в отечественной словесности радикальные преобразования и поэтической, и прозаической жанровой системы, и самой сущности жанрообразования. Разрушая не сами по себе жанры, а канонические внутри- и межжанровые границы, Жуковский по сути заявляет о синтетической природе рождающейся новой русской прозы. Из классифицирующего принципа жанр превратился у Жуковского-прозаика в основу целостности произведения, так как категория жанр уступает место уже в его ранней прозе другому понятию – автор. В миниатюрах Жуковского устанавливается «лично-родовая», «внутренняя мера»

(М. М. Гиршман. Н. Д. Тамарченко) текста, отчетливо проявившаяся в архитектонике произведений: в пространственно-временной зоне построения образа, в отношениях автора и героя, в типе повествования.

В пансионских речах, читавшихся Жуковским на торжественных актах, была поднята проблема нравственности в разных ее аспектах, совпадающая с важнейшей «идеей времени» о нравственном самоусовершенствовании как пути к общественному прогрессу, органически связанная с литературными поисками Жуковского. Все речи – по сути, один текст о человеке, развивающий и конкретизирующий содержание предыдущих статей и стихотворений Жуковского. Антропоцентрическая установка автора речей очевидна, в чем, безусловно, сказались уроки кураторов пансиона, московских масонов И. П. Тургенева, И. В. Лопухина, М. М. Хераскова, А. А. Прокоповича-Антонского. Следует подчеркнуть и главную «поэтическую» установку Жуковского на эмоциональное воздействие на публику. Высокие мысли должны были увлечь сердца слушателей. Отсюда сочетание патетики, торжественной лексики, устойчивых аллегорий и поэтичности, музыкальности. Однако, выбрав форму публичного выступления, Жуковский сосредоточен, по сути, на собственной личности. Его речи - это своего рода импровизации на заданную тему.

Общие закономерности становления прозы Жуковского высвечивает его первая оригинальная повесть «Вадим Новгородский» (1803), которая во многом была следствием увлечения сентименталистской традицией и в то же время попыткой ее преодоления. В первую очередь в связи с этим должна быть поставлена проблема поэтичности прозаической повести Жуковского, обусловленной особым состоянием и позицией автора-повествователя. Вслед за Карамзиным Жуковский отказывается от сложного сюжета, большого числа действующих лиц. При этом повествование приобретает внутреннюю глубину. Лиризм, психологическая напряженность, атмосфера нравственно-этических поисков, открытые для русской повести Карамзиным, пронизывают все уровни «Вадима Новгородского», придавая ему, несмотря на внешнюю незавершенность, музыкально-лирическую целостность. Исторический сюжет повести позволил автору сделать выход к проблеме национального. Здесь он, безусловно, оказался в русле классицистической прозы. С самого начала в повести звучат характерные мотивы тленности, скоротечности жизни. В ней господствует атмосфера исторического предания, окрашенного в элегические тона.

Для характеристики ранней прозы Жуковского показательна и его первая критическая статья «О «Путешествии в Малороссию», посвященная книге К. П. Шаликова. Эта статья, полемичная и даже пародийная по отношению к эпигоному автору «Путешествия в Малороссию», может быть расценена как высокий образец художественной критики начала XIX в., утверждающий многие новые для русской прозы эстетические принципы, и вместе с тем как характерный для Жуковского тип прозаического текста, выстроенного по принципу «свое по поводу чужого», синтезировавшего разные жанрово-стилевые традиции. Жуковский переакцентирует сам предмет изображения: его интересует не столько чувствительность, сколько живое чувство, напрямую связываемое автором статьи с идеей движения как основы жизни вообще и душевной, в частности. В целом же ранние оригинальные опыты Жуковского в прозе демонстрируют тесную взаимосвязь лирического и эпического начал, жанров собственно художественной прозы и так называемых «промежуточных»,

сентименталистских и предромантических традиций. Здесь прорисовывается ориентация Жуковского на универсализм, синтетизм мышления, органичная включенность его прозы в контекст собственного творчества и в процесс становления русской прозы.

Второй раздел посвящен анализу поэтики переводной прозы первого русского романтика 1799-1806 гг. Дополняя его оригинальное творчество, она вносила свой вклад в преодоление нормативного, метафизического подхода к человеку. Высокий нравственный пафос его переводов, как и оригинальных сочинений, оказывался эстетически переживаемым.

Упорному труду Жуковского как переводчика прозы многим обязана своим развитием, прежде всего, русская повесть и русский классический роман. Так, перевод «Мальчик у ручья» (1801), источником которого является роман А. Коцебу «Gergrüfte Liebe», демонстрирует первые попытки писателя овладеть стилистическими и жанровыми приемами сентименталистского романа, обращенного к массовому читателю. Он позволяет определить позицию писателя в полемике, завязавшейся еще во второй половине XVIII в. вокруг художественной прозы, романа, в частности, в связи пересмотром соотношения «полезного» и «приятного» в нем. Роману необходимо было отпочковаться от «сказок» и «романцев», обратиться к изображению действительности и выработать для этого новые художественные средства.

Неслучайно, одной из важнейших для переводчика «Мальчика у ручья» стала проблема языка, решаемая им в карамзинских традициях. Прежде всего, писатель осваивает различные повествовательные формы, стилистические приемы изображения внутренней жизни человека, пытаясь сделать повествование более эмоциональным, психологически более точным, глубоким и напряженным. Интересно в этом плане отношение Жуковского-переводчика к элементам готического романа, активно используемым Коцебу. Он старается перевести их, говоря словами В. Э. Вацура, «на язык сентиментального психологизма и сентиментальной поэтики». Вместе с тем, уже в первом своем прозаическом переводе Жуковский заботится о соответствии нравственно-психологического и историко-культурного планов повествования. Предельно важную в этом плане функцию в «Мальчике у ручья», значительно более отчетливую, чем в подлиннике, выполняет автор-повествователь: его образ способствует интеллектуализации, философизации текста.

В повести «Королева Ильдегерда», также переведенной из Коцебу в 1801 г., Жуковского привлекает, если судить по характеру перевода, по контексту творчества переводчика, прежде всего, историческая тема. Переводная историческая повесть Жуковского, опередившая его попытки создать оригинальное произведение на историческом материале и предвосхитившая целый поток исторической прозы, образовавшийся в русской литературе к 1830-м гг., *подчеркивает* мысль о том, что история и нравственность – две вещи неразрывные. Потому в ее центре, как и в исторических повестях Карамзина, оказываются не исторические события как таковые, а отдельные личности, их мораль и психология, страсти. Причем, внимание в переводе явно сосредоточено на главной героине, в которой Жуковский видит героическую личность. Отсюда - характерное уточнение в жанровом определении повести: не историческая, как у Коцебу, а героическая. Все средства характеристики Ильдегерды направлены на создание образа идеальной личности и в то же время на преодоление его

абстрактности, условности. Вместе с тем, при всем внимании к внутреннему миру героев, повествователь ведет о них рассказ по эпическим законам. Оссианический тип повествования дал выход интересу к национальному и историческому тону рассказа.

Эволюцию исторических интересов Жуковского и связанные с ней тенденции его прозаического повествования демонстрирует переводная (из Ж.-П. Флориана) повесть «Вильгельм Телль, или Освобожденная Швейцария» (1802). И здесь Жуковский идет вслед за Карамзиным, за логикой развития его исторической повести – от «Натальи, боярской дочери» к «Марфе-посаднице». Весьма примечательно в связи с этим, что идейное содержание, пафос и художественное своеобразие перевода Жуковского определялись категорией «народ», «нация», которая, как известно, уже через несколько лет станет особенно актуальной в романтической философии истории и в романтической эстетике, а позднее многое будет определять в русской классической прозе. С одной стороны, в основу понимания «народа» Жуковским положены классические философские концепции XVIII в. (например, Руссо, Гердера). С другой стороны, для него очень важно такое понятие, как «национальный дух», укоренившееся в русском общественном сознании в эпоху предромантизма и романтизма, повлекшее за собой пристальный интерес к вопросу о роли личности в национальной истории. Жуковский оказывается на этом пути первопроходцем. Герои повести названы Жуковским уже в двойном ее заглавии. Это швейцарский народ и легендарная личность – Вильгельм Телль (ср. у Флориана – «Guillame Tell»).

Переведенная Жуковским «сицилийская повесть» Флориана «Розальба», отмеченная активным использованием явной фантастики, «готических» элементов, несла целый ряд эстетических идей, важных как для развития Жуковского, так и отечественной литературы в целом. Самым главным в повести, появившейся в творчестве писателя на почве его увлечения оссианической поэзией, «кладбищенскими элегиями», была общая «таинственная» атмосфера, в осмыслении и изображении которой и проявляются в первую очередь зачатки новой эстетической системы. В «Розальбе» представлен неповторимый художественный мир, во многом новый для русской поэзии и прозы. Это мир, в котором уже произошел сдвиг в мировосприятии. Он определяется отходом от рационалистического отношения к жизни и человеку, как к чему-то упорядоченному, раз и навсегда данному.

Особое место в системе ранней переводной прозы Жуковского занимает перевод (выполненный с помощью перевода-посредника, принадлежащего Ж.-П. Флориану) одного из шедевров европейской романистики – «Дон Кихота» Сервантеса. Главным в работе над переводом для Жуковского стало создание образа Дон Кихота как личности, творящей себя и окружающий мир. В этом плане Жуковский обнаружил в герое Сервантеса многое из того, что отвечало его этико-философской системе, прежде всего, ее главной идее самосовершенствования личности. Вместе с тем, роман Сервантеса сам направлял Жуковского к проблеме сложности внутреннего мира человека и его отношений с окружающей действительностью. И здесь чрезвычайно показательно глубокое понимание Жуковским вопроса о безумии Дон Кихота, вокруг которого концентрируется в романе вся его философская, нравственно-психологическая проблематика. Опираясь на труды европейских сенсуалистов, прежде всего французских просветителей, которые он штудирует в 1800-е гг.,

Жуковский с особой силой выделяет философско-этические проблемы соотношения ума и чувства, человека и общества, индивидуальности и индивидуализма и связанные с ними элегические мотивы одиночества, странничества, органично перешедшие в перевод прозаического сочинения из поэзии Жуковского. Все это определяло и своеобразие жанрово-стилевой природы «Дон Кишота». В связи с этим в диссертации поставлен ряд вопросов, связанных с процессом взаимодействия поэзии и прозы в переводе Жуковского, в частности, с оказавшейся чрезвычайно значимой для переводчика прозиметрической тенденцией, характерной для ренессансного романа Сервантеса. Исследование показало, что прозиметрия не разрушает целостного текста, а напротив, делает его многомерным, универсальным.

Анализ же ранней переводной прозы Жуковского в целом позволяет нам сделать несколько важных выводов, касающихся прежде всего ее конструктивной роли и в художественном самоопределении Жуковского, и в формировании русской прозы в начале XIX в. С особой наглядностью она демонстрирует безусловную близость Жуковского как одного из родоначальников отечественной прозы к сентиментализму и вместе с тем его движение вперед, к прозе романтической, отличающейся утонченным психологизмом, органическим слиянием разных жанрово-родовых и повествовательных традиций.

В третьем разделе впервые в литературоведении анализируется такая особенность поэтики ранней прозы Жуковского, как незавершенность многих его проектов. Они носили принципиально эстетический характер, выполняли работу по генерации и ускорению тех глубинных процессов, которые происходили в русской литературе. Посредством перевода Жуковский сознательно ищет парадигму перехода русской прозы из века Просвещения в XIX век, открывший столько нового, особенно в сфере духовного бытия человека.

Одним из примечательных явлений раннего творчества Жуковского-прозаика является незавершенная хрестоматия ««Примеры слога, выбранные из лучших французских прозаических писателей и переведенные на русский язык Василием Жуковским» (1805). Переводы хрестоматии никогда не публиковались. Рукопись хранится в РНБ [Ф. 286. Оп. 1. № 16. Л.1-42]. Источник переводов - французское издание «Leçons de Littérature et de Morale, ou Recueil, en prose et en vers, des plus beaux morceaux de la langue française dans la littérature des derniers siècles» (т. 1). Выполненный примерно на одну треть проект Жуковского, тем не менее, наглядно демонстрирует ряд важнейших тенденций его творчества и русской литературы в целом. Органично вливаясь в процесс нравственно-философского и эстетического самовоспитания писателя, он в первую очередь подтверждает его стремление продолжить начатые в первой половине 1800-х гг. поиски в жанрово-стилевой сфере, упорядочить прозаический слог и, что самое главное, выработать систему образного и вместе с тем точного прозаического слога.

Проблема прозаического слога особенно остро встает для Жуковского именно в 1800-е гг., во многом в связи с полемикой «шишковистов» и «карамзинистов», в центре которой, как известно, находились проблемы прозаического слога. Уже в статье «О слоге» (перевод отрывка из «Discours de réception à l' Académie Française» Ж. Л. Л. Бюффона), открывающей хрестоматию, Жуковский, по сути, сказал о необходимости отхода от «сознательно-традиционной поэтики» (Л. Я. Гинзбург), об обновлении авторского образа, который прежде всего должен «выдерживать *свой* тон». В своих «Примерах слога» Жуковский и стремится

выработать некий средний слог, органично сочетающий устойчивость стиля и его гибкость. Такое было возможно лишь при одном условии: предрешенность основных элементов произведения (лексика, синтаксис, семантика) типом авторского образа должна была быть переосмыслена в плане акцентации неповторимости, индивидуальности авторского сознания.

Осваивая прозаическую речь в «Примерах слога», Жуковский ищет ее разные жанровые модификации. Хрестоматия делится на такие разделы, как «Повествования», «Картины», «Описания», «Дефиниции» и т. д. Образцы собственно ораторской речи, строго подчиняющиеся канонам, остаются за рамками издания Жуковского, но в целом в основу построения книги Жуковский кладет жанрово-стилевой принцип. При этом в хрестоматии отсутствует строгая внутржанровая и межжанровая дифференциация.

Только первый из задуманных Жуковским разделов хрестоматии – «Повествования» – был осуществлен полностью. Он демонстрирует глубину размышлений Жуковского о самом понятии повествования. В раздел вошли фрагменты из собственно художественной (романы) и «нехудожественной» прозы (научно-популярная литература, похвальные и надгробные слова). Таким образом складывается некая внутрстилевая классификация раздела. Но вместе с тем, фрагменты представляют собой некий единый текст под названием «Повествования», демонстрирующий философичность и целостность как особую направленность сознания Жуковского-прозаика. Структура раздела «Картины» демонстрирует тот же принцип, что и «Повествования».

Сличение переводов хрестоматии с подлинниками и черновой характер рукописей позволяет выявить и стилевые тенденции Жуковского-прозаика. Прежде всего, отметим стремление Жуковского к стилистической уместности слова, которой отдается явное предпочтение перед точностью предметной. Довольно часто прозаическое слово Жуковского окрашивается лирической традицией, несет в себе выработанные в лирических жанрах значения. Вместе с тем, Жуковский не боится смешивать привычные и непривычные словосочетания, изобретать значения, соответствующие данному контексту. В целом стиль писателя оказывается непредсказуемым: традиционное соединяется здесь с непривычным, абстрактное с конкретным. Главное, чего, по-видимому, добивался Жуковский, было разрушение четких, классицизмом установленных межстилевых (а значит, и межжанровых и даже межродовых) границ, стилевое взаимодействие. Конечно, Жуковский пользуется критерием логики, приятности, стилистической уместности, но он позволяет себе совмещать это с новым художественным опытом поэтизации прозаического «слога», предполагающей, прежде всего, свободное проявление в нем авторского начала.

К числу незавершенных относится и замысел переводов «Избранных сочинений Ж.-Ж. Руссо», работа над которым относится к 1805 – началу 1806 гг. [РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 17. Л. 1-24]. Подобных изданий в России еще не было. Этот проект, задачей своей имевший знакомство широкой читающей русской публики с творчеством великого французского писателя-просветителя, был органичным продолжением фронтального и глубокого изучения Жуковским Руссо. Руссо представлен Жуковским и как философ, педагог, эстетик, и как талантливый прозаик, открыватель сентиментализма во французской литературе, как образцовый стилист. Примечателен сам принцип построения первого тома, планы и фрагменты которого дошли до нас. По типу и структуре он представляет

собой своего рода «Смесь» - характернейшее для русской прозы начала XIX в. и для Жуковского как прозаика эстетическое явление. Первый том должны были составить, органично дополняя друг друга, философские и эстетические трактаты, письма, а также беллетристическая проза. Такая композиция является прямым следствием широкого понимания пределов прозы, не только допускающего, но сознательно стремящегося к синтезу документального, общественного, этического и художественного начал. В диссертации рассматриваются дошедшие до нас фрагмент трактата «О науках», эпистолярная повесть «Письма к Саре», повесть «Левит Еффраимский», являющаяся переложением библейской легенды и переводы 4-х писем.

Завершает раздел анализ переводов (из Х. Гарве, И.-Я. Энгеля, К.-В. Гуффланда и др.), которые Жуковский, по-видимому, делал для себя, в процессе чтения книг, в большинстве своем вошедших в «Роспись во всяком роде лучших книг и сочинений, из которых большей части должно сделать экстракты» (1805) Эти переводы также никогда не публиковались, они хранятся в РНБ [Ф. 286. Оп. 1. № 18]. Несмотря на свою незавершенность, экстракты показывают, что для Жуковского в них существенна была не только проблематика, но и стиль. В целом по разделу, посвященному анализу ранних прозаических сочинений и переводов Жуковского, делается вывод об их важном значении как факте творческой биографии писателя и его эстетической позиции. Они представляют нам лабораторию Жуковского, озабоченного выработкой различных форм прозаического повествования, которое сознательно направлялось писателем на изображение духовного содержания личности и ее взаимодействия с внешним миром. Опытным путем Жуковский пытается найти способы расширения эстетического пространства русской прозы, ее идейного обогащения, углубления ее философского, морально-психологического содержания, жанрово-стилевого разнообразия.

Вторая глава диссертации «Проза В. А. Жуковского в «Вестнике Европы»: утверждение романтической эстетики и поэтики», посвященная следующему периоду прозаического творчества писателя, тесно связанному с его работой в известнейшем русском журнале, распадается на два раздела. В первом из них рассмотрено место и роль «промежуточных жанров» в художественных поисках Жуковского-прозаика конца 1800-х гг. Одной из точек отсчета для Жуковского остается в это время поиск стилевых и жанрово-родовых границ прозы. Сотрудничество в журнале, являвшемся некой универсальной формой бытования литературы, определяло тот факт, что стиль художественной прозы во многом сливался в художественном сознании писателя со стилем публицистики, эстетики, критики и т. д. Этот процесс, не означавший, конечно, сознательного неразличения Жуковским документальных жанров и беллетристики, обернулся четким осознанием многофункциональности прозы, ее поистине неограниченных эстетических возможностей.

Их реализацию Жуковский, как и многие его современники, во многом связывал с работой в «промежуточных жанрах», выразивших самую суть жанрово-стилевых исканий русской литературы переходного периода. Эти жанры сыграли ведущую роль в процессе переориентации русской литературы с поэзии на прозу. По справедливому мнению многих исследователей, они явились теми «клеточками, через которые в прозу проникали новые веяния» [Петрунина Н. Н. Проза 1800-1810-х годов // История русской литературы: В 4 т. Т. 2. Л., 1981. С.

52]. Они позволяли обратиться к «мыслям и мыслям», к реальности, к достоверному будничному факту, найти плодотворные возможности взаимодействия поэзии и прозы, лирического и эпического начал. В письмах, «мыслях и замечаниях», «путешествиях», в философско-этических и эстетических статьях Жуковского 1807-1811 гг. проза существует без вымысла, обращаясь к внутренней жизни человека (автора-повествователя). Характерно, что в прозе другого русского романтика, К. Н. Батюшкова, который как поэт всегда находился в состоянии творческого соперничества с Жуковским, проходили сходные процессы, вероятно, отражающие потребности литературы. Почти одновременно с Жуковским Батюшков создает «Отрывок из писем русского офицера о Финляндии», подборку афоризмов под названием «Мысли», статью «Опыты в прозе», «Прогулку по Москве». Некоторые из этих сочинений публикуются в 1810 г. в «Вестнике Европы».

Распространению новых идей и соответственно становлению нового прозаического слога («языка мыслей») в первую очередь служили переводы научно-популярных сочинений представителей «моральной практической философии» - И.-Я. Энгеля, И.-А. Эберхарда, К. Ф. Морица, С.-Р.-Н. Шамфора и др. По форме это – диалоги довольно условных героев на темы, имеющие глубокую философскую и литературную традицию и не раз уже выраженные в произведениях Жуковского. Это - темы смерти, соотношения в человеке эмоционального и рационального, свободы и детерминированности и др. Здесь показательна принципиальная диалогичность, многомерность текстов, синтез субъективного и объективного в них. Такая проза одновременно и убеждает, и волнует читателя, отличаясь эмоциональной выразительностью и, вместе с тем, демонстрацией сложности и внутренней противоречивости рефлексии.

Свое место в прозе Жуковского из «Вестника Европы» занимает жанр письма, который еще в XVIII в. начал осознаваться как литературный. Письмо, прежде всего, дружеское, выполняя функции связи, документа и др., являлось и формой познания, самовыражения личности, и формой освоения действительности. Именно в письмах вырабатывались повествовательный стиль, повествовательная манера новой русской прозы. В разделе анализируются переводы писем И. Миллера к К. Бонстеттену, принца де Линя к Екатерине II, а также ряд статей, написанных в форме письма. Они интересны и с точки зрения предмета изображения, и с точки зрения структуры текста, а также в плане соотношения того и другого с жанром.

Написанные конкретным лицом и адресованные конкретному же лицу, эти письма, между тем, могут быть рассмотрены как философско-историческая, общественно-историческая, научно-популярная проза. Думается, именно в этом качестве они и привлекли внимание Жуковского. В жанре письма Жуковского привлекает возможность диалогизации, эпизации прозаического повествования. Но главным здесь оказалась возможность художественных экспериментов с образом автора-повествователя. В письме перед нами живое, текучее человеческое сознание, оно принадлежит субъекту речи и одновременно является объектом изображения. Это вело к индивидуализации интонаций, неповторимости и незаданности, многогранности повествования, к свободным переходам от одной темы к другой, что органично вводило прозаическое письмо в общую систему художественных поисков Жуковского, в частности, в параллель с его работой над стихотворными посланиями начала 1810-х гг.

Гибкая и пластичная, форма письма часто синтезируется в журнальной прозе Жуковского с другими жанровыми формами, оказываясь пригодной для выражения самого разного содержания – начиная от вопросов психологии, философии и кончая эстетикой. В главе рассматриваются случаи синтеза жанровых традиций письма, очерка и путешествия, письма и эстетического трактата, письма и «разговора», письма и рассуждения.

В журнале появляются и публикации собственно в жанре «мысли и замечания». Они представляют собой как бы развернутые афоризмы. Довольно короткие по объему, дискурсы представителей так называемой «нравственной философии» - на самые разные темы: философия, нравственность, психология, отличаются остроумием, оригинальностью и даже парадоксальностью суждений, воспитательным пафосом. Для Жуковского значимой становится, по-видимому, сама художественная форма «мыслей и замечаний», в которую он облекает комплекс своих любимых идей. «Мысли и замечания», ориентированные на выражение авторского самосознания, коррелируют в первую очередь, с дневниками Жуковского и с его маргиналиями на полях прочитанных книг. Образ автора-нарратора в тексте «мыслей и замечаний» и биографический автор соотносимы, но не тождественны. В тексте возникает некий образ, но не реального человека, а его духовного, интеллектуального облика. Он высказывает своим словом то, что общепринято.

Весьма показательными по проблематике, типу повествования и жанру являются публикации, посвященные вопросам психологии, внутреннего мира человека. Чаще всего автор-нарратор выступает в них как вымышленное, но вполне конкретное лицо, обладающее определенными чертами и характером. Публике сообщается об источнике, из которого автор черпает свои истории, которые им самим называются «истинными анекдотами», «истинными происшествиями», относившимися, по точному выражению Ю. Н. Тынянова, к «мелочам литературы» и являвшимся своеобразной лабораторией, прежде всего, таких жанров, как рассказ, повесть. В психологических статьях-этюдах о «странных людях», «чудаках», к которым Жуковским проявляется повышенный интерес, очевидна забота о создании ощущения правдоподобия у читателей, главным образом, за счет углубления психологизма.

Наконец, в массиве прозы, выполненной Жуковским для «Вестника Европы», можно выделить путешествия, где был проявлен принципиальный интерес к новому для русской литературы материалу, где самым жанром был обусловлен упор на информативность и точность описаний, повествовательный слог. Все это были черты, определявшие первые шаги русской прозы к будущему роману. Характерно, что Жуковского привлекают «путешествия», в которых повествование ведется от лица, описывающего сложившееся задолго до него. В таких текстах всегда много деталей быта, нравов, обычаев, культурных традиций. В связи с этим в разделе рассмотрены переводы из «Путешествия в Иерусалим» Ф. Р. Шатобриана. Эпические по форме, эти «путешествия» являются одновременно лиро-биографическими. Здесь мы видим и внешний мир, и процесс самосознания автора, являющегося одновременно героем-путешественником и нарратором. Этот образ близок текстовому автору – Шатобриану, и вместе с тем он не тождествен ему, являясь художественным образом. Автор смотрит как бы со стороны на мир и на себя, стремясь осознать и изобразить свою отдельность и в то же время обусловленность окружающим миром. Так в прозу, всегда

признававшуюся родственной эпосу, входит лирическое начало, возможность, говоря о мире, говорить о себе. Чем дальше по объекту изображения расходились проза и стихи, тем более обнаруживалась внутренняя общность прозы и лирики: и та, и другая активно продвигаются к авторству, к индивидуальному звучанию. Внеличностное выражение авторского сознания, свойственное прозе на протяжении многих столетий, теснится и уступает место формам, личностно проявленным.

Содержание «путешествия» может разворачиваться и вокруг действий (как в «истинном происшествии», «анекдоте»), в которых (прямо или косвенно) участвует путешественник-нарратор. Такие путешествия несут в себе яркие черты художественности (необычный материал, острый драматизм, проникновение в душевное состояние автора-нарратора и героя за счет их параллелизма), которые позже разовьются в жанрах повести и романа (самим Жуковским будет сделан ряд переводов повестей, написанных в форме путешествия, см. об этом ниже). Многие черты их стиля будут плодотворны и для романтической лирики Жуковского, и особенно для таких лиро-эпических жанров, как баллада и поэма с ее «конструктивным принципом параллелизма судьбы центрального персонажа и автора» [Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., 1976. С. 246]. Утверждение в «путешествии» эстетической ценности картины реального мира, выдвижение нравственно-этических, философских проблем становления личности, выявление авторского облика в присущей ему сложности и глубине найдет свое закономерное развитие и в поздней прозе Жуковского, которая переживет еще один всплеск интереса к жанру «путешествия» в 1820-х гг., в период «эстетических манифестов» писателя-романтика.

Таким образом, анализ небеллетристической прозы Жуковского, опубликованной в 1807-1811 гг. в «Вестнике Европы», позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, эта проза обладает синкретическими свойствами, стремясь не столько к родовой дифференциации, сколько к родовому (лиро-эпическому, в первую очередь) синтезу. То же самое можно утверждать и в отношении жанровых поисков Жуковского. Во-вторых отметим, что работа Жуковского с «промежуточными» жанрами привлекательна для него и с точки зрения расширения предмета изображения в прозе, и с формальной стороны. Все чаще внимание Жуковского-прозаика привлекает личная форма высказывания, что свидетельствует о значительных глубинных сдвигах, происходящих в отечественной прозе начала века, в том числе и благодаря усилиям Жуковского.

Во втором разделе представлены повести Жуковского, опубликованные в «Вестнике Европы» в 1807-1811 гг., как уникальное явление и в его творчестве, и в истории русской прозы. По сути, ими завершится зародившийся в самом начале творчества интерес писателя к жанру повести, тогда как русской прозе откроются в ней многие новые темы, сюжеты, мотивы и образы. Эти повести, в основном являвшиеся переводами западноевропейских авторов второго ряда, отражают бурный интерес Жуковского к беллетристике, к так называемому «легкому чтению», которое с начала века стало одной из составляющих русской прозы и, при ориентации на среднюю литературную норму, на уже «отработанные» формы и традиции, на соединение несоединимого с точки зрения высокой эстетики, способствовало в конечном итоге становлению классической русской повести и классического русского романа.

Отвечая эстетическим потребностям времени, эти повести являлись своеобразной лабораторией, где последовательно и творчески осваивались и совершенствовались новые способы изображения действительности и завоевания читательского интереса. Кроме того, они отражают переход Жуковского от сентименталистской эстетики и поэтики повести к романтической, во всей глубине закономерности и сложности этого процесса. Примечательно и то, что в конце 1800-х гг., в 1810-е гг. период своего становления как в творчестве первого русского романтика, так и в отечественной словесности в целом одновременно переживают повесть и баллада, идиллия, дружеское послание, элегия. В рамках именно этих жанров активно формировалась романтическая эстетика. Их взаимодействие было связано с общей тенденцией эволюции литературного процесса от лирики к эпосу. В этом плане Жуковский закладывает мощную традицию взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе, которую в ближайшем будущем подхватят Пушкин и Лермонтов, а позднее Тургенев и др.

Повести Жуковского, опубликованные в «Вестнике Европы», практически не изучались. При этом из множества проблем в разделе выделяется главная: она касается системности повестей Жуковского 1807-1811 гг., которые, параллельно лирическим жанрам также организуются в некое целое, имеющее свои внутренние закономерности построения и самостоятельное значение, заключавшееся в поисках романтических форм воплощения эпического в прозе.

Прежде всего, повести из «Вестника Европы», обращенные к изображению как внешнего мира, так и внутренней жизни человека, осваивали для русской прозы и литературы в целом мир новых тем и проблем, от которых потянутся нити к позднему творчеству самого Жуковского, к русской классической прозе. В центре системы окажется главная в романтической эстетике проблема изображения «внутреннего человека», взятая в эпическом ракурсе: «внутренний человек» во всей сложности и многогранности его связи с потоком жизни. Разные по своему эмоциональному тону – начиная от драматического и кончая шутливым, все повести оказываются посвящены эпическим, бытийным темам – философским, нравственно-этическим, психологическим. В повестях Жуковского выстраивается своя система сюжетов и мотивов. Герои повествовательной прозы Жуковского также представляют собой определенную «целесообразность». Взятые вместе, они обнаруживают глубинный фундамент всего корпуса повестей, каковым является романтическая концепция личности Жуковского. Такие же подсистемы очевидны на уровне хронотопов, речевой и ритмо-мелодической организации текстов повестей, на уровне жанровых модификаций, тяготеющих к разным лирическим и лиро-эпическим жанровым традициям, в связи с чем можно говорить и о типологической родственности этих произведений, заключающих в себе две противоположные, но взаимопритягивающиеся стихии творчества Жуковского – эпическую и лирическую. Это, в свою очередь, позволяет органично вписать повествовательную прозу писателя и в общий контекст «Вестника Европы» как целостной этико-философской и эстетической системы, и в общее русло творчества Жуковского, поэта и прозаика.

В соответствии с вышесказанным в разделе подробно анализируется тематический и мотивный состав повестей Жуковского («Прусская ваза», «Истинное происшествие», «Мария», «Горный дух Ур в Гельвеции», «Эдуард Жаксон, Милли и Ж.-Ж. Руссо» и целый ряд др.), устанавливается его связь с

лирикой, а с другой стороны – с традициями карамзинской повести и с художественными задачами Жуковского-прозаика (устремленностью к психологизму, к освоению новых жанровых модификаций повести, обращенностью к внутреннему зрению эстетического адресата). Далее в диссертации на примере таких повестей, как «Ожесточенный», «Розы Мальзерб», «Неизъяснимое происшествие» и др., определяются особенности объектной организации повестей Жуковского, напоминающих протосюжетную схему инициации, сравнивается поэтика сюжетосложения в повести и балладе, в частности, в таких эстетических и поэтических «двойниках», как «Марьяна роща» и «Людмила».

Особое внимание уделяется определению природы конфликтов в повестях Жуковского, которые развиваются в рамках романтической этики и философии, представляя собой своеобразное отражение поэтики конфликта романтической лирики и лиро-эпоса. Вместе с тем, в повестях конфликт подвергается прозаизации, т. е. погружается, даже будучи универсальным, субстанциальным, внутренним, в обыденные обстоятельства. Довольно часто конфликт конкретизируется в социальном, историческом плане. Поистине знаковыми в этом отношении можно назвать повести «Печальное происшествие», «Прусская ваза», «Истинное происшествие». Однако, подобно повестям Карамзина и Муравьева, здесь в первую очередь оказывается важна поэтическая душа повествователя, мир его чувств и мыслей.

Довольно востребованным в связи с построением конфликтов в повестях Жуковского оказалось противопоставление городского и сельского мира. Как правило, и эта оппозиция переносится в нравственно-этический план (наиболее показательна повесть «Дорсан и Люция» и переводы так называемых «идиллических» повестей Ж.-Н. Буйи, П.-И. Монтолье). Примечательны попытки Жуковского конкретизировать конфликт национальными мотивировками (напр., «Теана и Эльфриди», переводы *contes orientaux* А. Сарразена, М. Эджворт). Здесь связь с предшествующей литературной традицией оказалась наиболее прочной. Как правило, дело не идет далее подзаголовка («итальянская повесть», «греческая повесть», «восточная повесть»), которому соответствуют только место действия и имена героев. В некоторых повестях (это, прежде всего, «Три пояса. Русская сказка», «Марьяна роща. Старинное предание»), написанных на национально-историческом материале, Жуковский пытается воссоздать русский национальный колорит, опираясь при этом на карамзинско-оссианическую традицию. Обращаясь к русскому национальному колориту, Жуковский-прозаик пробует сопрягать лирико-психологическое и объективно-эпическое повествование. Конфликты же в этих «русских» повестях выстраиваются на основе свойственной фольклорному сознанию поляризации добра и зла.

В так называемых «шутливых» повестях Жуковского («Первое движение», «Романический любовник, или веселость и старость» и др.) в основу романтического конфликта вплетаются иронические интонации, которые не затрагивают самой сути важнейших для Жуковского внутренних и субстанциальных конфликтов, но как бы достраивают их до целого, внося в повествование идеи относительности всего сущего. Наконец, в «таинственных» повестях, таких, напр., как «Привидение», «Неизъяснимое происшествие», в основе конфликта оказывается фантастика (скрытая или явная). Наибольший

интерес представляют повести, где реальное и фантастическое равноправны («Марьяна роща», «Привидение»), что и было особенно плодотворным для дальнейшего развития русской повести. Главным в развитии конфликта, который у Жуковского, как правило, сочетает в себе несколько мотивировок (эпического и лирического происхождения), оказывается процесс духовного развития героев, их нравственное совершенствование, откуда и вытекал столь принципиальный для Жуковского-прозаика интерес к психологизму.

К разговору о субъектной организации повестей Жуковского позволяет перейти рассмотрение их повествовательно-композиционных принципов, которые и проявляют авторскую позицию. Специально анализируется в разделе система героев, которые условно делятся на две группы. В первую входят такие герои, как Мария и Артур («Мария»), граф Ланицкий и его друг Альберт («Прусская ваза»), Людмила и князь Святослав («Три пояса»), Мария и Улад («Марьяна роща»), Теана и Эльфриды (одноименная повесть) и т. д., чье сознание практически совпадает с голосом повествователя, который, как уже отмечалось, чаще всего очень близок автору. Это цельные натуры. Их обаяние определяется, прежде всего, их высокой нравственностью, что не значит, однако, что названные герои лишены внутренних противоречий, связанных со сложным жизненным выбором. Вторая группа может быть представлена героями, носителями эгоцентризма, подобными Христиану Блемеру («Ожесточенный»), лорду Кляйву («Эдуард Жаксон, Милли и Ж.-Ж. Руссо»), Рогдаю («Марьяна роща»), Примрозе («Примроза и Оливье»). Они, безусловно, привлекают писателя тем, что позволяют шире и сложнее показать природу человека и его отношений с миром. При этом необходимо отметить один очень важный момент. Какими бы преступлениями не была отягощена их душа, они в конечном итоге демонстрируют бесконечность заключенных в человеке возможностей к воскресению. Здесь, как в зерне, заложены многие типы русской классической прозы. Здесь же начало большого спора, растянувшегося на весь XIX век, о роли осознания человеком своей греховности и раскаяния.

Обращение к мифопоэтическому уровню текста потребовало рассмотрения в реферируемом разделе пространственно-временной организации повестей Жуковского, в которых выстраивается весьма примечательная система хронотопов (дорога, дом, граница, утро, вечер), передающая очень важную для писателя идею духовного развития человека. В этом плане в диссертации анализируются повести «Мария», «Марьяна роща», «Ожесточенный», «Привидение» и др. Наконец, в разделе проводится мысль о том, что чем более конкретизируется эпическая основа повестей Жуковского, тем более важной для него оказывается их музыкальность. В связи с этим в работе на материале одной из самых «музыкальных» повестей Жуковского – «Марьяна роща» - поставлена проблема ритма, как фундамента объектно-субъектной организации повестей Жуковского 1807-1811 гг.

Заключая обзор главы в целом, подчеркнем следующее. Проза «Вестника Европы», выстраивающаяся в стройную и целесообразную этико-философскую и жанрово-стилевую систему, наглядно демонстрирует не только новаторство Жуковского-прозаика, но и логику его творческого развития в целом. Она отражает и внутреннее, глубинное движение отечественной литературы, прозы, в частности, в сторону романтических нарративов с характерными для них

драматизмом, нравственно-этическим накалом, таинственностью, психологизмом, «поэзией чувства», заступившей место сентименталистского культа чувствительности. Журнальная проза Жуковского, отличающаяся очевидным лирическим, прежде всего, балладным «подтекстом», открывала читателю новый тип миропонимания, новую эстетику и поэтику, определявшуюся философией романтического универсализма, создавая в этом отношении, параллельно поэзии, свой эстетический дискурс. Вместо уединенной личности, погруженной в себя, с чем мы встречались в ранних прозаических опытах писателя, в журнальных статьях и повестях 1807-1811 гг. человек представлен в контексте разнообразного внешнего мира, в его связях с ним. Значительно переосмыслены и обогащены были жанровые традиции прозы. Главной чертой жанрово-стилевой системы прозы Жуковского в конце 1800-х гг. является стремление к синтезу.

Вместе с тем, к самым значительным преобразованиям, обозначившим важный шаг вперед по сравнению с прозой сентиментализма, прозу Жуковского привело именно взаимодействие с лирикой. Поэтический колорит, свойственный карамзинской прозе, обретает у него глубоко лирическое звучание. Главным в прозе Жуковского-поэта, романтика, постепенно становится особая форма отражения объективной действительности – через индивидуальное восприятие. Проза оказывается лирической в собственном смысле этого слова. Авторская точка зрения, подвижная, определяющаяся личным мировоззрением, вытесняла из прозы открытое морализирование, статичность и однозначность в изображении человека и его отношений с окружающим. И в этом Жуковский, конечно, выступает продолжателем Карамзина, прокладывая дорогу к русской классической прозе. Примечательна здесь и близость путей в прозе двух поэтов-современников - Жуковского и Батюшкова, чьи «опыты в прозе» также выросли на почве самонаблюдений и самоанализа в связи с историей, природой и обществом. Думается, это сходство определялось требованиями времени.

Третьей главе «Проза В. А. Жуковского «эпохи романтических манифестов» придается методологическое значение: в ней рассматривается становление новых принципов эстетики и поэтики прозы Жуковского и определяются принципы ее анализа. В главе подчеркивается, что свои жанрово-стилевые искания в области прозы Жуковский связывает в 1810-1820-е гг. с актуализацией ее философичности, ее эпического, бытийного потенциала. Это питалось не прерывавшимся никогда вниманием писателя к вопросам философии и, в частности, как показывает библиотека и архив, мощным всплеском его интереса во второй половине 1810-х гг. к немецкой романтической философии, которая обратила серьезнейшее внимание на мифологию, народное творчество, несущее исконный, служащий фундаментом целостности бытия «народный дух». Вместе с тем, подъем интереса к онтологическим, эстетическим, этическим проблемам в эти годы еще не позволил писателю создать новый тип прозы. Жуковский экспериментирует, пытаясь выстроить некую преемственность между уже освоенным им в прозе и тем новым, чей облик еще не совсем ясно ему представляется. Он продолжает развивать свои прежние идеи и концепции, но пытается облечь их в некие новые и для него самого, и для русской прозы 1810-х гг. формы, в связи с чем обращается к исходным формам философствования, к дидактико-аллегорическим, наивным, простодушным фольклорным жанрам

сказки, прозаической басни, назидательной новеллы, притчи. Значению малых фольклорных эпических жанров в развитии прозы Жуковского в 1810-е гг. посвящен первый раздел главы.

Важнейшей для Жуковского в эти годы становится проблема художественного вымысла, его роли в художественном литературном произведении. Постепенно в нем укрепляется возникшее, конечно, гораздо раньше как некое допущение осознание того, что вымысел не является единственным способом художественного изображения действительности. И особенно это верно, в представлении Жуковского, в отношении прозы, требующей «мыслей и мыслей». Переход от чисто художественной прозы, в которой вымышленные события и герои, острый сюжет являлись основой содержания, занимательность которого во многом опиралась на нестандартные ситуации, неожиданное их разрешение, на столкновение характеров, к другой прозе, где факты реальной действительности наделяются изобразительной силой, где главенствует «поэзия мысли», занял у Жуковского не один год. Он происходил постепенно и, конечно, не означал улучшение или ухудшение качества прозы писателя. Отход Жуковского-прозаика от вымысла менял принципы создания художественного прозаического произведения, внутреннюю структуру прозы Жуковского в целом, закладывая в ней основы новой жанрово-стилевой системы, что отвечало не только личным творческим потребностям писателя, но и новым целям, встававшим перед отечественной литературой, особенно, прозой.

Начался же этот процесс, как ни странно, со специального обращения Жуковского именно к таким жанрам, которые изначально были основаны на чистом вымысле. Это был корпус произведений, созданных Жуковским для занятий с Великой княгиней Александрой Федоровной, что накладывало на писателя, с одной стороны, строгие обязанности, а с другой, предоставляло ему полную свободу художественного эксперимента. На этой прозе лежит заметная печать переходности, здесь очевидны все обозначенные нами выше тенденции движения Жуковского к новой прозе.

В разделе рассматриваются архивные материалы: тетради Жуковского с произведениями, предназначавшимися его ученице для чтения и перевода с русского языка на немецкий. Все материалы датируются концом 1817-1819 гг. Они не опубликованы (за исключением сделанных нами публикаций) и до сих пор не учитывались как факт творческой биографии Жуковского. Дидактические цели этих произведений не только не умаляют, но помогают прояснить их эстетическое значение.

Прежде всего, весьма показательны в этом корпусе сочинений Жуковского прозаические басни. Здесь примечателен целый ряд моментов. Во-первых, факт параллельной работы Жуковского над переводом прозаической басни гекзаметром (имеются в виду прозаические басни Лессинга, обнаруженные М. Л. Гофманом также в архиве писателя) и прозой. И то, и другое относится к числу первых опытов писателя в сообщении повествованию размеренного эпического движения, близкого к свободной разговорной речи. Факт этот весьма важен, демонстрируя сознательную работу Жуковского над стилем, соединяющим поэзию и прозу, что отражало, как справедливо пишут исследователи, общие тенденции прозаизации русской литературы. Во-вторых, интересна проблематика басен, связанная с просветительскими идеями, на которых давно уже строится Жуковским и концепция личности, и теория взаимоотношений человека с миром.

Переведенные Жуковским прозаические басни по своей идейно-художественной структуре очень близки к притче, прежде всего, тем, что писатель, как правило, избегает в своих баснях, вопреки традиции, «общей морали». Он добивается толкования всех элементов повествования басни в философско-символическом плане. В 1810-е гг. Жуковским был проявлен интерес и к собственно жанру притчи, в частности, в разделе анализируются «Библейские повести», представляющие собой поэтические переложения известнейших ветхозаветных легенд. Как указывает Д. С. Лихачев, притча повествует «о действительности в обобщенно-трансформированной форме» [Лихачев Д. С. Славянские литературы как система // Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. М., 1968. С. 45]. Думается, что Жуковского как прозаика во многом привлекла к притче именно названная специфика. С другой стороны, «Библейские повести», создававшиеся в атмосфере работы над такими программными стихотворениями, как «Утренняя звезда», «К ней», «Невыразимое», запечатлели поиски Жуковским возможностей соединения описания и психологизма, философии и эстетики. «Библейские повести» насквозь пронизаны «мистическим чувством», ощущением таинственности и невыразимости бытия. Их основой оказывается лиризм и символизм. Особое внимание в повестях уделено именно образу автора, стремящегося не только утвердить в сознании читателя определенные истины, но и выразить состояние их поиска, проникновения за завесу, скрывающую высшую суть всего сущего.

Ко второй половине 1810-х гг. относится и обращение Жуковского к жанру сказки, в котором, по сравнению с басней, была приглушена откровенная дидактика, который поучал, развлекая. Жуковским были переведены пять волшебных сказок из сборника Я. и В. Гримм «Kinder- und Hausmärchen» и волшебная же «Красная шапочка» Ш. Перро. Писатель видит в сказке «нарочитую и поэтическую фикцию» [Пропп В. Поэтика фольклора. М., 1998. С. 305], которая, между тем, несет всеобщую истину, вечный смысл бытия.

Интересно, что именно в это время Жуковский-поэт обращается к переводам идиллий Гебеля, в которых, параллельно прозаическим сказкам, он попытался усилить эпическое звучание сообщением повествованию черт народности в гердеровском понимании: в идиллиях и сказках Жуковский попытался воспроизвести сам способ мышления сказителя, провидящего в обыкновенном и будничном поэзию и смысл жизни. Вместе с тем, среди переведенных Жуковским сказок нет ни одной, в которой бы композиционно-семантическая модель народной сказки была воспроизведена полно и точно: писатель весьма свободен в отношении к «переменным величинам» сказки (термин В. Проппа).

Очень важно, что прозаические переводы сказок появляются в разгар полемики о гекзамetre, возникшей, как известно, в связи с работой Н. Гнедича над переводом «Илиады» и, шире, - в связи с отказом русской поэзии от французской традиции, на защиту которой встали классики, - в пользу античной и немецкой. В. Кюхельбекер прямо заявлял об этом в 1817 г., видя здесь симптом поворота русской литературы к новой, т. е. к романтической, поэзии. Разговорно-сказовые интонации, размеренность прозаической сказки, как и гекзамetre, привлекают Жуковского скрытыми в них возможностями развития повествовательного стиля. Простота рассказа сочетается здесь с простым материалом, однако сказка становится, говоря словами Жуковского, «эмблемою человеческой жизни», проза – поэзией.

О своих прозаических сказках Жуковский вспомнит в начале 1830-х гг., когда он погрузится в работу над стихотворными сказками. Осенью 1831 г., параллельно Пушкину, он пишет ряд литературных сказок, одним из источников которых стали его переводы из сборника братьев Grimm. В диссертации проводится сравнительный анализ стихотворных и прозаических сказок Жуковского, демонстрирующий не только различие между поэзией и прозой в понимании Жуковского, но и эстетический смысл стихотворного переложения прозаической сказки. Главным результатом попытки Жуковского создать две сказки на один сюжет явился, конечно, его поэтический шедевр «Спящая царевна», в котором авторский голос организует все повествование. Но звучание стихотворной сказки определяется прежде всего синтезом прозаического и поэтического способов мышления, эпоса и лирики, объективного и субъективного начал. Эпическое, объективное, «прозаическое» начало» приобретает в «Спящей царевне» новое качество, будучи пропущено сквозь призму души автора. Оно подчинено проникновению в его внутренний мир, обращенный к решению вечных общечеловеческих проблем.

Наконец, свое место в системе прозаических сочинений Жуковского 1810-х гг. занимают его назидательные новеллы, обнаруженные в рассматриваемых тетрадах. Назидательную новеллу исследователи классифицируют как особую разновидность притчи. Однако у Жуковского назидательные новеллы, призванные, как и притчи, басни, выполнять «учительную» функцию, тяготеют к беллетристическому характеру подачи материала. В частности, они оказываются близки анекдоту. Жуковский пытается соединить в них учительный пафос и связанную с этим глубокую и серьезную проблематику с острым сюжетом и занимательностью повествования. Кроме того, от анекдота в назидательную новеллу Жуковского приходит установка на правдоподобие, «истинность» повествования. «Вымысел» в них сопрягается с «правдой», с активным использованием конкретных исторических, географических, социальных, а главное – психологических «примет», идущих от образа рассказчика, за которым прячется автор. Этот синтез охватывает разные уровни произведения.

Во втором разделе главы внимание сосредоточено на «Путешествии по Саксонской Швейцарии», «Рафаэлевой «Мадонне», «Отрывках из писем о Саксонии», «Отрывках из письма о Швейцарии», произведениях, отличающихся сложной жанрово-стилевой природой, отразивших не только новые особенности художественного сознания Жуковского 1820-х гг., но и, говоря словами Ю. Н. Тынянова, «смещение» жанрово-стилевой системы всей русской литературы, «сметание» «фактом эволюции» «твердого статистического определения» самого понятия «литература» [Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М., 1993. С. 123]. Прежде всего речь идет о переосмыслении Жуковским такой категории, как «эстетическое», начавшемся вполне закономерно именно в области прозы. Его сфера не только расширяется, но сами границы между внелитературным бытом и литературным бытием в прозе осмысливаются писателем как необычайно подвижные и открытые. За этим стоит, конечно, универсализм и синтетизм мышления Жуковского-романтика, очень многое определявшие в его движении к эпосу. Именно идея синтеза, организующая рассматриваемые в данном разделе сочинения Жуковского, сыграет важную роль в будущей русской художественной прозе, позволив говорить ей от имени живой реальности, остро ставить нравственно-этические,

философские и психологические проблемы личности, решая их не так, как должно, а во всей сложности и глубине.

В самом начале 1820-х гг. Жуковский-прозаик одним из первых обращается к материалу, который до сих пор считался внеэстетическим, причем как в лирических, так и в эпических произведениях, и на его основе создает художественный мир своих прозаических сочинений. При господстве художественного вымысла в прозе и таких ее элементов, как вымышленные события, вымышленные характеры, которые долгое время казались основными и первичными признаками художественной прозы, он обращается к описанию реальных фактов своей биографии, фрагментов собственной повседневной жизни во время своего первого заграничного путешествия. Исповедь, философия, эстетика, сюжетно-образная система, психологизм – все органично слилось в этих емких текстах. Литературное «моделирование» бытия перешло в них в «жизнетворчество».

В этом плане очень показательна творческая история данных произведений. Как известно, в их основе личные письма Жуковского (1821 г.), путешествующего по Германии и Швейцарии. В дальнейшем этот прием трансформации личного письма в литературу станет одним из основных для Жуковского-прозаика, ярко отражая начало процесса, важнейшего для становления русского классического романа – выход на первый план личности автора и его «отсоединение» от готовых жанровых форм. Письмо позволяло реализовать тип романтического сознания и как основу образа автора, и как художественную форму. Тем более показателен осуществляемый Жуковским синтез письма и «путешествия», проявляющий его интерес к изображению «движений души», свободного «перемещения» авторского сознания в универсуме.

Письма Жуковского, о которых идет речь, будучи опубликованными в периодических изданиях, а позднее в составе собраний сочинений писателя, воспринимались и оценивались автором и читателями как литературные произведения. В них Жуковским-прозаиком осваивались «две великие эстетические силы» - детализация и символическое обобщение, которые, по словам Л. Я. Гинзбург, доступны только художественному восприятию мира. Эстетизация внеэстетического и эпизация (прозаизация) лирического, биографического материала, разрушая существующее представление о художественной литературе и о прозе, в частности, осуществлялись и за счет новых повествовательных принципов. В «отрывках» Жуковского о его заграничном путешествии утверждались фрагментарность, динамизм (с вытекающими отсюда возможностями для новых сюжетно-композиционных конструкций), краткость, простота, естественность, лиризм прозаического повествования, близкого в этом плане к повествованию в дневниках Жуковского. И одновременно здесь была установка на завершенность, целостность и емкость повествования, на ощущение «отрывка» как самостоятельной части целого, как нового жанра, направленного на отражение авторского сознания как глубоко личностного, единичного и в то же время несущего на себе черты целого, общечеловеческого. Неслучайно все названные «отрывки» из частных писем о событиях частной жизни впоследствии были осмыслены как нравственно-философские и эстетические программы Жуковского.

Рассмотренные уже современниками как образцы русской прозы, реализовавшие тип романтического сознания и как основу образа героя-нарратора, и как художественную форму, названные сочинения Жуковского погружаются в диссертации в широкий контекст романтической русской и западно-европейской прозы, в первую очередь, в круг романов-мифов, романов-странствий немецких романтиков Л. Тика, Новалиса, а с другой стороны – в контекст русской и немецкой прозы первой трети XIX в., посвященной теме искусства, художника, поэта и толпы и т. д. Не менее важным представляется проведение анализа данных прозаических произведений Жуковского на фоне его программных лирических сочинений, прежде всего, таких, как «Славянка», «Невыразимое».

В третьем разделе третьей главы рассматривается проза из «Собирателя» и «Муравейника». Прежде всего, осмысливается сам факт обращения Жуковского на рубеже 1820-1830-х гг. к форме журнала. Это было, с одной стороны, возвращением писателя к своему опыту журналистской деятельности, с другой стороны - творческим экспериментом на пути к новым, синтетическим формам выражения универсализма своего мышления. Создание выпусков «Собирателя» и «Муравейника», книг сложной жанрово-стилевой природы, было новым этапом движения к эпосу, к целостности миромоделирования. Из стихов и прозы, из выписок, переводов и собственных сочинений родилось художественно-философское целое, *книга*, точнее, две книги (в нескольких выпусках) - с очень показательными и глубоко содержательными названиями. За ними в первую очередь стоит фигура автора издания, деятельность которого принципиально направлена на создание целостной картины мира и, соответственно, на выстраивание межтекстовых связей в составе единого литературного целого *книги*. Любопытно отметить, что чуть позднее, в 1831 г., Жуковский переносит этот эксперимент в область поэзии, собрав и опубликовав двумя изданиями свои «Баллады и повести», которые, по справедливому утверждению исследователя, «воссоздавали особый мир, своеобразный тип мышления, единство мироощущения» поэта [Янушкевич А. С. Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск, 1985. С. 184].

Материалы «Собирателя» и «Муравейника», в том числе и сохранившиеся в архиве, позволяют утверждать, что изначально их автор, отличающийся энциклопедизмом и универсализмом мышления, был ориентирован на тематическую неисчерпаемость и в то же время целостность своих изданий, на их очень широкий и вместе с тем органичный жанрово-родовой диапазон, на максимальную полноту использования в нем выразительных ресурсов слова. Решение всех этих задач концентрируется в конечном итоге вокруг одной главной проблемы - человек, природа его личности, суть его отношений с миром - и направлено на самостроение и автора, и читателя. Интересующая нас в первую очередь проблема прозы и ее взаимодействия с поэзией оказывается в «Собирателе» и «Муравейнике» весьма актуальной.

В реферируемом разделе диссертации, во-первых, исследуется состав прозаических произведений, вошедших в данные издания. Это - статьи философско-исторического, нравственно-этического содержания, как переводные, так и оригинальные, подборки мыслей и афоризмов, «заимствованных из древних и новых классиков», иногда переведенных на русский язык, иногда данных в оригинале, переложение древнего сказания,

биографический очерк, экспериментальные формы повести и т. п. Во-вторых, в разделе анализируется эстетика и поэтика отдельных прозаических произведений из «Собирателя» и «Муравейника» и на этом основании ставятся следующие проблемы: взаимодействие разных типов повествования, взаимосвязь стихов и прозы, оригинального творчества и перевода, интертекстуальность как смысло- и поэтообразующая основа изданий в целом и входящих в них отдельных произведений.

В связи с этим, в работе прослеживается возникшая в «Собирателе» и «Муравейнике» тенденция к циклизации. Так, например, раздел «Отрывки» в № 1 «Собирателя» открывался статьей «Взгляд на мир и на человека», которую можно назвать программной. В ней рисуется грандиозная картина мироздания, где все находится в движении и взаимосвязано. Вопросы философии и связанные с ними проблемы эстетики выводятся здесь в сферу религии. На первое место выдвигается любимая Жуковским идея жизнестроения, которая выражается с помощью символического образа лестницы. Проблематику и пафос статьи «Взгляд на мир и на человека» продолжает легенда «Смерть Адама», переведенная Жуковским из собрания еврейских сказаний И. Г. Гердера. Две последние статьи № 1 «Собирателя» - «Полезьа истории для государей» и «Климат физический и нравственный», как бы по контрасту к легенде об Адаме, являются публицистическими, с ярко и открыто выраженной позицией автора, органично обратившегося от философии, религии, этики к общественно-политическим проблемам, в центре которых вопрос о просвещенном монархе. Раздел «Отрывки» в № 2 «Собирателя» представляет собой не менее целостный текст. Три статьи, вошедшие в него – «Человек», «Природа, преобразованная человеком» и «Общество человеческое, преобразованное христианством», являют нам целостную философию жизни Жуковского, в которой отчетливо выделяются три уровня осмысления мира: человек – природа – общество.

Раздел «Выписки» является в «Собирателе» органическим продолжением «Отрывков» и по содержанию, и по форме. Чрезвычайно значимой в них оказывается тенденция к созданию некоего единого, очень сложного по структуре, синтетического текста. Чередование стихов и прозы, переводных и оригинальных фрагментов в этом разделе, по-видимому, является для Жуковского принципиальным. Во всяком случае, этот принцип в № 2 «Собирателя» был перенесен уже и на раздел «Отрывки». По сути, все тексты становятся контекстом друг для друга, причем эта взаимосвязанность материала задана автором как отражение его понимания миропорядка. В подборе и расположении текстов чаще всего действует ассоциативная логика, сложность живого взгляда на мир, воссозданная Жуковским многогранность мира и человеческого сознания. Усиливается эпическое звучание текстов, мысль в них оживает, философская тема окрашивается разными эмоциями и становится поэтической. В «Муравейнике» Жуковский продолжит эксперимент по свободному объединению предельно пестрого материала, причем не по традиционному жанрово-тематическому или хронологическому признаку, а при помощи условной модели целого. Позднее по этому принципу будут создаваться записные книжки Жуковского, так будет собираться том поздней прозы писателя в его последнее прижизненное собрание сочинений.

Подчиненные непосредственно воспитательно-педагогическим задачам, «Собиратель» и «Муравейник» ориентировали на решение мировоззренческих,

бытийных проблем в связи с самостроением личности. Так все яснее прорисовывалась эпическая сущность творческих поисков Жуковского-романтика, причем как в области поэзии, так и в прозе. Более того, «Собиратель» и «Муравейник» демонстрируют принципиальное для Жуковского совмещение этих поисков, их параллелизм и взаимодействие.

В четвертой главе диссертации «Поэзия мысли» в прозе В. А. Жуковского 1830-40-х гг.», которой также придается методологическое значение, объектом исследования становится проза Жуковского поры «философского пробуждения» в России. Она рассматривается как еще одно звено в общей жанрово-стилевой системе прозаического наследия писателя, вполне закономерно возникшее, само по себе отличающееся системностью. В главе подчеркивается окончательный отход Жуковского в 1830-40-е гг. от прозы о вымышленных лицах и событиях, от переводческой деятельности в области прозы и его принципиальное внимание к прозе философской, которая и явилась подведением итогов Жуковского-прозаика. Предметом изображения в ней становится сам процесс мышления, в связи с чем трансформировались многие элементы эстетики и поэтики прозы, начиная от композиции, повествования и кончая жанровой системой и стилем. Проза Жуковского 1830-40-х гг. отличается не только особым энциклопедизмом, открытостью во внешний объективный мир, во всю полноту и сложность его проблем. Чрезвычайно актуализируется для писателя проблема «внутреннего человека» и в связи с этим личностный, субъективный, поэтический, лирический план его прозы, «языком» которой оказываются символы, эстетика «невыразимого», христианско-романтическая мифопоэтика. В формировании единства идеологии и художественности, «мысли» и «поэзии», идеи и переживания свою роль сыграла, конечно, просветительская традиция, к которой Жуковский был прикреплен с самого начала своего творчества. Но кроме этих антропологических «интересов» большое значение имела персонологическая, романтическая идея жизнестроения. Она входила как основная в его прозу, создание которой становилось для писателя актом самосознания и нравственного самосовершенствования.

В объяснении решительного поворота Жуковского в 1830-1840-е гг. к прозе и своеобразия его позднего прозаического наследия акцентируется ряд моментов: 1) духовная атмосфера 1830-1840х гг. в России с ее мировоззренческими спорами и поисками - тесная связь прозы Жуковского с духом времени проявляется в том, что начиная с 1830-х и особенно в 1840-е гг. сквозной в его прозе стала идея синтеза в понимании действительности и ее изображения в искусстве, а также в том, что он, наряду с писателями-декабристами, Чаадаевым, молодыми славянофилами, Гоголем, обращается в поисках основы целостности бытия к религии; 2) ситуация в русской литературе, являющаяся переходной и одновременно кризисной, когда на первый план постепенно начинает выходить проза, когда многие писатели ищут новые темы, новый материал, связывая эти поиски с углублением содержания литературы, со сближением литературы и жизни - как и многие современники, Жуковский обращается в своей прозе к «разумению фактов», к самым разным вопросам философии и истории, этики и религии, эстетики и педагогики, политики и психологии, как и многие современники, Жуковский настойчиво работает над становлением «философического языка» эпохи и литературы, ее представляющей; 3) логика развития личности и творчества самого Жуковского, сам масштаб мысли

позднего Жуковского, органично вытекающий из романтического универсализма его мировидения, тесно связан с эволюцией его прозы - с годами Жуковский становится все более ярким и глубоким мыслителем, о чем свидетельствует его библиотека, личная переписка, общественная деятельность. Все это явилось не просто толчком к написанию отдельных произведений, а к переходу Жуковского к новой прозе, которая специально посвящалась поиску сути человека, смысла его жизни, границ познания, возможностей искусства.

В первом разделе заключительной главы анализируется корпус прозаических сочинений Жуковского, посвященных проблемам истории и философии истории. При этом следует признать, что если Жуковский как внимательный читатель и исследователь трудов по истории, как автор ряда стихотворений на важнейшие темы русской и мировой истории сегодня хорошо известен и изучен, то его поздние прозаические сочинения об истории, сыгравшие свою роль в формировании теории романтического историзма и русской прозы, практически не привлекали внимание исследователей. Между тем обращение Жуковского-прозаика к проблемам истории было, во-первых, принципиальным для самого писателя - здесь сомкнулись история, философия и этика, выявились основы новой эстетики прозы, а во-вторых, весьма характерным для состояния русского общественного сознания, когда историософские концепции стали потребностью времени.

Интерес к истории, как известно, захватил Жуковского еще в самом начале 1810-х гг., что было, как указывают исследователи, во многом связано с работой над поэмой «Владимир» и со становлением романтической эстетики поэта. Изначально Жуковский заявлял о том, что он не хочет быть в истории ученым, что история для него – это необходимый ориентир в творчестве. Потому столь важной представлялась Жуковскому утвержденная Карамзиным мысль о сопряжении поэзии и истории. Позднее, во многом под влиянием западной романтической историографии, сближавшей историю с поэзией (Барант, Минье, Гизо), а с другой стороны, - «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, в которой, как известно, Жуковский всегда видел явление русской словесности, а также в результате уточнения писателем понятий «проза» и «поэзия», предмета их изображения, история будет осмысливаться им как одна из принципиальных основ прозы, как богатейший источник ее материала, тем и проблем и как фундамент их осмысления и изображения.

Не менее важно для Жуковского было и изначальное стремление видеть «происшествия в связи», чему он начинал учиться еще в 1800-е гг. у европейских историков Шлецера и Миллера. Универсальность процесса познания истории станет предметом полемики 1820-х гг. об «Истории...» Карамзина, которая охватила чуть ли всю творческую интеллигенцию России и в которой непосредственное участие принял Жуковский. Все это закономерно выльется в 1830-е гг. в многозначность самого понятия истории у Жуковского, включающего в его границы и философский, и социально-политический и художественный подходы. Прозаические статьи Жуковского, посвященные истории, запечатлели историческое мышление автора, понимающего все события (близкой и далекой истории, общие и личные, внешние и внутренние) в их глубинных истоках, во взаимодействии и взаимосвязи. Это в свою очередь обусловило специфику

поэтических особенностей поздней прозы Жуковского: ее особого психологизма, синтетизма, стиля, эпического повествования и т. д.

Внимание в реферируемом разделе сосредоточено на следующих статьях: «Черты истории государства Российского», «Обозрение всемирной истории», «Отрывок письма из Швейцарии», «Воспоминание о торжестве 30-го августа 1834 года», «Бородинская годовщина», «Пожар Зимнего дворца», «Очерки Швеции». Серия этих статей представляет собой вполне самостоятельное целое, открытое для постановки проблем, не касающихся непосредственно истории. Очевидно внутреннее единство этой серии статей, которое определяется не столько фактическим материалом, сколько единством авторской философии истории, принципами исторического повествования.

«Черты истории государства Российского», созданные на основании серьезного изучения «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и таких исторических трудов, как «Всеобщая Северная история» А. Л. Шлецера, «История руссов» и «Предварительные критические исследования для российской истории» Г. Эверса, русские летописи, посвящена материалу и теме, которую обходили стороной многие историки: Жуковский, вслед за Карамзиным, пишет о Древней Руси. Исторические концепции Жуковского, близкие карамзинским, облекаются в «Чертах истории...», как и в «Истории государства Российского», в художественную форму. Она весьма своеобразна, но все же сочинение Жуковского вряд ли можно назвать научным или даже научно-популярным трудом, хотя оно создавалось во многом в связи с его педагогической деятельностью. И здесь просвечивает принципиальное отталкивание от историков антикарамзинского направления. «Летописный», как назвал его Н. Устрялов, или «героический», по определению Н. Полевого, метод Карамзина-историка становится в статье Жуковского главным.

Большой интерес вызывает начало «Обозрения всемирной истории», хранящееся в архиве Жуковского и до сих пор не опубликованное. Внимание к данной теме, возникшее почти одновременно у многих современников Жуковского, было связано с целым комплексом проблем – начиная от идеи национального самоопределения России и кончая внутренней жизнью личности. Так, во второй половине 1830-х гг. А. С. Хомяков начинает работу над своими «Записками о Всемирной истории», непосредственно связанную с публикацией в «Телескопе» в 1836 г. «Философического письма» П. Я. Чаадаева, в котором утверждалось, что «всемирное образование человеческого рода не коснулось нас». Хомяков трактует проблему по-своему: «<...> для человеческой гордости и уважения нашего к самим себе – нам нужно родословие народа». Здесь явные точки сближения с Жуковским, который озабочен поисками «всемирного родословия». В «Обозрении всемирной истории» намечена, хотя изложена и не до конца, вполне целостная концепция истории человечества, в которой устанавливается взаимодействие истории, географии, философии и эстетики. Писатель исходит из традиционного библейского толкования происхождения мира и первых дней его существования, полемизируя с материалистическими концепциями XVIII в., опровергая уподобление человека части природы, полностью ею детерминированной, и сближаясь с Гоголем, Батеньковым, бр. Киреевскими. Такое мироощущение определяло и поэтику творчества Жуковского, и поэта, и прозаика, его психологизм, внимание к символике,

мифопоэтике. Собственно архетипическим и символическим звучанием наполнено все изложение «темных времен», выполненное Жуковским в его «Обозрении...».

Ряд статей Жуковского - «Воспоминание о торжестве 30-го августа 1834 года», «Бородинская годовщина», «Пожар Зимнего дворца» - это зарисовки из новейшей русской истории. Замысел описать конкретное событие вырос в них в глубокое по своему содержанию произведение, тонко и поэтично раскрывающее мир мыслей и чувств автора как представителя определенной исторической эпохи. Обращение Жуковского к историческому событию приводит его к созданию некой синтетической картины мира. Событие общественной жизни вписывается в статьи в широкий и вечный контекст жизни природы. Необходимым элементом поэтики исторического повествования у Жуковского оказываются пейзажи, отличающиеся конкретностью и в то же время особым символично-метафорическим строем. Внешне очень точные описания благодаря своей образной символике наполняются глубоким философским содержанием, связанным прежде всего с постановкой вопросов о роли личности, народа и надличных сил в истории, о месте случая и закономерности в историческом развитии и т. д. Особый интерес представляет сам тип исторического повествования Жуковского (соотношение в нем субъективного и объективного, лирического и эпического, документального и художественного начал), позволяющий провести некоторые параллели с русской классической прозой – от Пушкина до Толстого.

Заключается раздел обращением к очень разнородным в жанровом отношении сочинениям, в центре которых – изображение реального исторического лица («Воспоминание о Мердере», открытое письмо редактору «Журнала Министерства народного просвещения», предворяющее публикацию письма Н. М. Карамзина к графу И. А. Каподистрии - в подлиннике, на французском языке, и в переводе Жуковского; статья «Последние минуты Пушкина» и др.).

Второй раздел главы посвящен поздней публицистике Жуковского. Начавший свое творчество на рубеже XVIII-XIX вв. с прозаических миниатюр нравственно-философского содержания, поэт Жуковский в 1840-е гг., обсуждая с П. А. Плетневым подготовку своего собрания сочинений, оказавшегося последним прижизненным, прямо определил суть этих лет как особого этапа в своем творчестве: «Теперь для меня наступила эпоха прозы. Я хотел делиться с своими соотечественниками теми мыслями, которые жизнь развила в голове и сердце» и ниже: «время прозы для меня наступило, время чистого изложения мыслей и убеждений, собранных в течение жизни» [Плетнев П. А. Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 685, 686-9 (письмо от 19 декабря 1850 г.)]. Здесь же он уточняет «предмет» своих поздних прозаических сочинений. Это философия, религия, эстетика, политика. Характер отношения Жуковского к философским, социально-политическим, историческим, нравственно-этическим проблемам определялся основными идеями Жуковского-художника – идеями синтеза и жизнестроения. Причем с особой силой подчеркивается, что свои «мнения» по названным вопросам автор стремился выражать «не лакейским официальным слогом, а словом сердца и ума», с «простотой и искренностью», «без всякого кокетства» [Там же. С. 686, 687]. Именно лирическое начало привносит в позднюю прозу Жуковского «поэзию мысли», изображение

разнообразных ходов авторского сознания, движений его души, его поисков «истины».

Статьи Жуковского 1840-х гг. весьма разнообразны по своей проблематике: начиная от вопросов о революции, монархии и пролетариате и кончая вопросами о привидениях, о молитве, о меланхолии. При этом все они составляют безусловное единство, строгую систему, в основе которой стремление Жуковского к синтетическому мировидению и искусству. Ни одна из названных проблем не мыслится как изолированная от остальных, все они представляются Жуковскому, напротив, как взаимосвязанные и взаимодействующие. Неслучайно столь затруднительной оказывается тематически-проблемная классификация поздних статей писателя. Проблемы ставятся в статьях как бы сразу все вместе, одна вытекает из другой. Автор открывает все новые и новые аспекты той или иной идеи. Вечные и общечеловеческие вопросы органично совмещаются с актуальной злободневностью, христианские идеи пересекаются с политическими и социальными. И это не говоря уже о едином характере осмысления ставящихся проблем. Проза Жуковского 1840-х гг. ярко отразила весьма актуальный для данного времени процесс взаимодействия этих разных уровней осмысления человека и его места в мире, обусловленного стремлением к целостности мировидения. Показательно, что именно проза 1840-х гг. наиболее отчетливо проявляет тенденцию к циклизации.

На 1840-е гг. приходится сознательное и очень активное обращение Жуковского к политическим проблемам и как следствие этого – введение в литературу, в прозу, прежде всего, социальных, идеологических вопросов. Безусловно, толчком к тому послужили события, связанные с революцией 1848 г. во Франции и с общей исторической ситуацией в Европе. Мысль позднего Жуковского направлена к ряду социально-политических проблем. Прежде всего, это размышления о революции как историческом явлении и связанные с этим раздумья о законах истории, о свободе, о реальном социально-политическом положении России и Европы. С другой стороны Жуковский постоянно говорит о христианстве как некоем идеале, основе, которую можно и нужно противопоставить революционному вмешательству в ход истории. Попытка писателя решать политические вопросы неизменно уводила его в область философии, веры, этики и эстетики. В центре при этом всякий раз оказывается мысль о нравственном совершенствовании личности и ее нравственной свободе. В этом плане Жуковскому прежде всего близок Н. В. Гоголь, И. Киреевский, писатели-декабристы. Прозаические сочинения Жуковского 1840-х гг., посвященные общественно-политическим проблемам («О происшествии 1848 года», «Русская и английская политика», «По поводу нападок немецкой прессы на Россию», «Иосиф Радовиц» и др.), строятся на утверждении плавного развития истории, основывающегося на преемственности нравственных, культурных традиций, что, по Жуковскому, естественно и соответствует вечным, надличным законам бытия. Интересно, что в позднюю лирику Жуковского также органично входят идеи общественно-политического плана («К русскому великану», «Четыре сына Франции» и др.).

В своих размышлениях о политике, о революции, в частности, Жуковский постоянно обращается к фигуре Наполеона. Наполеон введен здесь в большой социально-политический и исторический контекст и выступает символом

великого нарушения вечных законов бытия. Кроме того, наполеоновская тема возникает в поздних статьях Жуковского в связи с осмыслением особого исторического пути России. Логика размышлений Жуковского о революции неизменно приводит его и к вопросу о подлинной и мнимой свободе. В рассматриваемых статьях он настойчиво отрицает революцию как мнимое освобождение. «Мнимой свободе» Жуковский неизменно противопоставляет утверждение нравственной свободы, которая является прочным фундаментом веры и смирения человека перед Богом и его волей, а также основой общественного прогресса. В этом плане весьма показательна статья «Энтузиазм и энтузиасты». Внутреннее чувство свободы осмысливается здесь не только как врожденная духовная основа личности, но и как условие сохранения нравственности народа. И вместе с тем, именно внутренняя свобода человека толкает его к тому, чтобы «отделить себя от общего», чтобы «творить для себя свою особенную совесть» и «не видя вокруг себя добра существенного, создавать <...> добро химерическое и действовать по произволу» [Жуковский В. А. ПСС: В 12 т. СПб., 1902. Т. X. С. 138].

Проблема свободы нравственного выбора человека напрямую связывается Жуковским с вопросом о культе сильной личности, о наполеонизме, двойной морали и вытекающей из нее вседозволенности. Единственной силой, способной вернуть человека на землю, отвратить его от абстракций к реальности, от теорий и идей к натуре человека, признается вера в Бога, которая диктует одну для всех нравственность, не ломающую, а напротив, укрепляющую личность. Здесь слышатся интонации пушкинской и лермонтовской поэзии и прозы, романов Достоевского и Толстого. На этой же оппозиции - христианства и наполеонизма, которая, становится центральной общественно-философской идеей творчества Жуковского 1840-х гг., строится его поэма «Странствующий жид», которую поэт сам называл своей лебединой песней, подчеркивая, что в ней «заключены *последние* мысли» его жизни (письмо к П. А. Плетневу от 13 сент. 1851 г.).

Хотя в поздней прозе Жуковского политика, философия, религия, эстетика находятся во взаимодействии, в ней можно выделить как отдельную группу философских статей. Это знаменитые письма к Гоголю о смерти и молитве, «Нечто о привидениях», «О меланхолии в жизни и в поэзии», «Две сцены из «Фауста», «О внутренней христианской жизни». Названные сочинения отразили своеобразное подведение итогов пройденного пути самообразования и самовоспитания и выработку новых мировоззренческих идей Жуковского, к чему он, судя по письмам и дневникам, стремится в 1840-е гг. совершенно сознательно. Основными вопросами этих статей являются соотношение материи и духа, бытия и сознания. Вокруг него формируется целый комплекс других, взаимосвязанных проблем онтологического, гносеологического, этического характера. Закономерным продолжением подобного рода размышлений являются в этих статьях эстетические суждения, касающиеся, прежде всего проблемы Слова, тесно связанные с его поэтикой «невыразимого». К решению философских проблем Жуковский стремится подходить, как правило, диалектически. Конечной целью для него является, по-видимому, построение некой целостной философии жизни, или как он сам ее назовет, «христианской философии».

На материале данных статей, рассматриваемых в широком историко-культурном и историко-литературном контексте, автором диссертации ставятся

проблемы трансформации личного письма, маргиналий писателя на книгах, записей в рабочих тетрадях - в статью, что было одной из важнейших особенностей творческого процесса Жуковского-прозаика, определяющей решение сложнейшего вопроса о художественности поздней прозы писателя. В связи с этим в разделе вводятся в научный оборот многие архивные материалы, прежде всего, из многочисленных записных книжек писателя. Отличающиеся жанрово-стилевым единством, схожестью в композиционных принципах и в этом плане тоже складывающиеся в систему, они весьма наглядно демонстрируют процесс собирания итогового тома прозы Жуковского, выработки им принципов емкого и многозначного повествования. Они органично вписываются не только в эволюцию Жуковского-прозаика, но и в историю русской записной книжки, характерного для отечественной литературы и культуры первой половины XIX в. явления. Представляя собой лабораторный жанр, записные книжки становятся в это время для Жуковского, как и для многих его современников, формой самосознания и самостроения личности, подготавливая почву для русского классической прозы.

Заканчивается раздел осмыслением работы Жуковского над подготовкой к изданию «целого тома» «разного рода рассуждений в прозе», который, судя по его письмам (прежде всего, к П. А. Плетневу, А. С. Стурдзе), должен был войти в 5-е издание сочинений и подвести итог всему творчеству писателя. Том задумывался как «цикл циклов» прозаических сочинений неясной жанровой природы. Здесь наиболее полно проявились особенности нового синтетического стиля Жуковского, свободно соединяющего мысль и чувство. Здесь самосознание автора становится формой универсальных обобщений. Стержнем итоговой книги Жуковского-прозаика стала его «христианская философия».

Статьи этого тома наиболее ярко отражают тип сознания Жуковского, ищущего выход из внутренней сосредоточенности личности, которая была открыта романтической лирикой, к такой «полноте бытия», как впоследствии это назовет В. С. Соловьев, при которой «единое существует не на счет всех или в ущерб им, а в пользу всех» [Соловьев В. С. Соч.: В 2-х т. М., 1988. Т. 2. С. 552]. В своем томе автор мыслит себя как «я» и «ты» одновременно. «Эта внутренняя солидарность <...>, - пишут М. Н. Дарвин и В. И. Тюпа, - является определяющим моментом исторически наиболее молодого <...> конвергентного сознания». Исследователи справедливо определяют «совершенно особое положение Пушкина в русской литературе <...> именно его первородством <...> как субъекта развитого конвергентного сознания, впечатляюще проявившегося не только в проблематике, но и в поэтике пушкинских творений» [М. Н. Дарвин, В. И. Тюпа. Указ. соч. С. 12]. Думается, что проблематика и поэтика творчества позднего Жуковского, особенно его прозы, позволяет вписать его в процесс становления в России этого типа сознания, приходящего на смену «рефлексивного традиционализма» (С. С. Аверинцев) и получившего свое закономерное развитие в XX веке.

В Заключении подводятся итоги исследования. Делается общий вывод о том, что изучение прозы первого русского поэта-романтика представляет собой сложную историко-литературную и методологическую проблему и что пути к ее решению видятся в системном подходе. Системность, философичность мышления самого писателя, его энциклопедизм и установка на универсальность мировидения обусловили не прекращающиеся на протяжении всего творческого пути весьма разнообразные и в то же время всегда целенаправленные опыты в прозе, которые

органично вошли и в русло общей эволюции творчества Жуковского, и в логику развития русской литературы.

Тяга поэта-романтика к прозе является важнейшей особенностью его художественного сознания и творчества. Она нашла свое отражение на всех этапах творческого пути писателя, что обусловило своеобразие и системность не только его прозы, но, в определенной мере, и поэзии. С самого начала, с 1800-х гг. основой становления эстетики и поэтики творчества Жуковского оказывается набирающий с годами силу процесс взаимодействия лирического и эпического начал, поэзии и прозы как разных типов и мироощущения, и средств его выражения. Поддерживаемое процессами, происходившими в русской литературе первой трети XIX века (прежде всего, в творчестве Батюшкова и особенно Пушкина и Гоголя), это явление уже в 1820-е гг., в период эстетических манифестов Жуковского, утверждавшего романтизм в отечественной словесности, вполне закономерно начинает формировать отношение писателя к прозе как к поэзии жизни и «поэзии мысли», а к поэзии как к «прозе в стихах». В 1830-40-е гг. проблема поэзии и прозы становится для Жуковского, как и для всей русской литературы, одной из ведущих. Принципиальными оказываются попытки осмыслить эти области словесного искусства, как самостоятельные, отражающие разные типы мироотношения, равноправные и, вместе с тем, взаимодействующие, существенно преображающие друг друга. Решительно утверждая в своих поздних стихотворных переложениях прозы Гебеля, Тика, Ламонт-Фуке, а также в своих стихотворных повестях 1830-40-х гг., переведенных из Шиллера, В. Скотта, Уланда, Шамиссо, принципы новой поэзии, критериями которой провозглашаются «простота» слога и близость к жизни, Жуковский одновременно вырабатывает новую эстетику и поэтику прозы. Суть этого процесса, закономерно завершающего движение Жуковского к романтическому эпосу, нерву своей творческой эволюции, очень точно определил П. А. Плетнев в одном из своих поздних писем к поэту: «<...> когда вы пишете вследствие потребности души своей, это все выходит как ваша поэзия, стихами ли то написано, или прозою» [Плетнев П. А. Сочинения и переписка. Т. 3. С. 652 (письмо от 28 марта 1850 г.)].

Несомненна и целостность прозаического наследия Жуковского, обусловленная единством предмета изображения – человек во всей его внутренней сложности и «невыразимости», во всей противоречивости его взаимосвязей с внешним миром. Важнейшим элементом, определяющим целостность внутренней структуры прозы Жуковского, является прозаический «слог», последовательно вырабатываемый писателем и с помощью переводов западноевропейских прозаиков, и благодаря взаимодействию с лирикой, а с другой стороны, с философией, историей, эстетикой.

Кроме того, удалось выявить такую особенность прозы Жуковского, как необычайную подвижность ее жанровой структуры, что получило наиболее яркое выражение в ее синтетичности. Начиная с перевода произведений больших и малых эпических форм художественной и так называемой «бесфабульной» прозы, а с другой стороны – с создания оригинальных сочинений-фрагментов, ориентированных на традиции лирических жанров, Жуковский-прозаик двигался к созданию синтетических жанровых форм, отличающихся сложным единством собственно художественного и публицистического, объективного и субъективного

начал и явившихся прообразами многих жанров, ставших ведущими в русской прозе XIX в. Прежде всего, они способствовали рождению романного мышления.

Наконец, прозу Жуковского, всегда отличавшуюся как система открытостью для диалога с разными национальными культурами, с разными видами духовной деятельности человека, с разными идеями и концепциями, можно охарактеризовать как внутренне весьма свободное единство, изначально не подчиняемое автором никаким жестким канонам. Это и позволило Жуковскому как прозаику пройти столь плодотворный и для своего творчества, и для русской литературы, процесс развития. Отражая стремление писателя к изображению действительности в ее целостности и изменчивости, проза Жуковского составляла необходимый и параллельный поэзии путь развития эпической концепции Жуковского, отмеченный пристальным вниманием к внешнему миру и «внутреннему человеку» как части универсума, несущей в себе все его признаки. Подчиненные поначалу эстетике и поэтике сентиментализма, прозаические сочинения Жуковского позднее, тоже параллельно поэзии, утверждают новую романтическую концепцию человека и мира и ее отражения в литературе. Жуковский делает большой шаг вперед и в плане расширения проблемно-тематических границ русской прозы, ее идейного обогащения, философизации, углубления ее морально-психологического содержания, совершенствования художественной формы. Жуковский обновляет отечественную прозу практически на всех уровнях – начиная от конфликта, героя и кончая приемами повествования, принципами создания образа автора в прозе. Именно соотнесение прозы Жуковского с его поэзией, эстетикой, критикой, философией, с материалами его библиотеки, а с другой стороны с глубинными процессами перестройки русской литературы и прозы, в частности, и позволяет определить масштаб и значение деятельности Жуковского-прозаика наиболее полно и адекватно.

Подводя итоги нашего исследования, мы видим необходимость его продолжения прежде всего в отношении полноты научного описания контекста прозы Жуковского. Вне нашего внимания оказалась важнейшая проблема традиций прозы Жуковского в русском классическом романе, в русской религиозно-философской прозе вплоть до рубежа XIX-XX в. Поставив перед собой задачу учесть, по возможности, весь корпус прозаических сочинений Жуковского, мы видим следующим необходимым шагом отечественного литературоведения подготовку всех этих материалов для публикации, поскольку особо значимым сегодня представляется вопрос о сохранении прозаического наследия Жуковского. Проза Жуковского, отличающаяся высочайшим уровнем нравственного пафоса, глубиной духовного опыта автора, широтой художественных поисков и открытий, чрезвычайно актуальных для современного общества и современной науки о литературе, должна быть не только введена в научный оборот, но и представлена широкому кругу читателей.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Айзикова И. А. Жанрово-стилевая система прозы В. А. Жуковского. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 403 с.
2. Айзикова И. А. Жуковский – переводчик Ж.-Ж. Руссо (статья первая) // Проблемы метода и жанра. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. - Вып. 12. - С. 50-68.
3. Айзикова И. А. Жуковский – переводчик Ж.-Ж. Руссо (статья вторая) // Проблемы метода и жанра. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. – Вып. 13. - С.

4. Айзикова И. А. Переводы В. А. Жуковского «восточных сказок» в «Вестнике Европы» // Проблемы литературных жанров. Материалы V науч. межвуз. конф. 15-18 окт. 1985 г. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – С. 25-26.
5. Айзикова И. А. Жуковский – читатель и переводчик Фенелона // Библиотека В. А. Жуковского в Томске: В 3 ч. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. – Ч. III. – С. 220-249.
6. Айзикова И. А. «Путешествие» среди прозаических переводов В. А. Жуковского в «Вестнике Европы» // Проблемы метода и жанра. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. – Вып. 14. – С. 43-62.
7. Айзикова И. А. Некоторые проблемы теории прозы и прозаического перевода в эстетике Жуковского // Проблемы метода и жанра. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. – Вып. 17. – С. 39-56.
8. Айзикова И. А. Прозаические переводы В. А. Жуковского в «Вестнике Европы» // От Карамзина до Чехова: К 45-летию научно-педагогической деятельности Ф. З. Кануновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. – С. 77-88.
9. Айзикова И. А. Прозаические переводы В. А. Жуковского в «Вестнике Европы» («идиллические повести») // Проблемы метода и жанра. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – Вып. 18. – С. 38-46.
10. Айзикова И. А. «Библейские повести» В. А. Жуковского // Русская литература и религия. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1997. – С. 85-94.
11. Айзикова И. А. Заметки к проблеме «Жуковский и русская поэзия конца VIII – XIX века» (по материалам библиотеки поэта) // Мотивы и сюжеты русской литературы. От Жуковского до Чехова: К 50-летию научно-педагогической деятельности Ф. З. Кануновой. – Томск: Изд-во «Знамя мира», 1997. – С. 24-33.
12. Айзикова И. А. Мотив греха и раскаяния в балладах В. А. Жуковского // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 3. Литературное произведение: сюжет и мотив. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. – С. 47-60.
13. Айзикова И. А. Ветхий Завет и проблемы творчества Жуковского // Проблемы литературных жанров. Материалы IX Международной науч. конф., посв. 120-летию со дня основания Томского государственного университета. 8-10 дек. 1998 г. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – Ч. 1. – С. 90-95.
14. В. А. Жуковский. Эпиграммы / Подготовка текстов и прим. И. А. Айзиковой. // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1999. – Т. 1. – С. 491-505.
15. В. А. Жуковский. Песнь араба над могилою коня / Подготовка текста и прим. И. А. Айзиковой. // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1999. – Т. 1. – С. 547-548.
16. В. А. Жуковский. Овсяный кисель / Подготовка текста и прим. И. А. Айзиковой. // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – М.: Изд-во «Языки русской культуры», 2000. – Т. 2. – С. 452-457.
17. В. А. Жуковский. Утренняя звезда / Подготовка текста и прим. И. А. Айзиковой. // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – М.: Изд-во «Языки русской культуры», 2000. – Т. 2. – С. 482.
18. В. А. Жуковский. Деревенский сторож в полночь / Подготовка текста и

- прим. И. А. Айзиковой. // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. - М.: Изд-во «Языки русской культуры», 2000. - Т. 2. – С. 497-499.
19. В. А. Жуковский. Тленность. Разговор на дороге, ведущей в Базель, в виду развалин замка Ретлера, вечером / Подготовка текста и прим. И. А. Айзиковой. // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. - М.: Изд-во «Языки русской культуры», 2000. - Т. 2. – С. 499-502.
 20. В. А. Жуковский. Летний вечер / Подготовка текста и прим. И. А. Айзиковой. // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. - М.: Изд-во «Языки русской культуры», 2000. - Т. 2. – С.503.
 21. В. А. Жуковский. Привидение / Подготовка текста и прим. И. А. Айзиковой. // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. - М.: Изд-во «Языки русской культуры», 2000. - Т. 2. – С. 624-625.
 22. В. А. Жуковский. Замок на берегу моря / Подготовка текста и прим. И. А. Айзиковой. // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. - М.: Изд-во «Языки русской культуры», 2000. - Т. 2. – С. 658-659.
 23. В. А. Жуковский. «Заступ, заступ, рой могилу!..» / Подготовка текста и прим. И. А. Айзиковой. // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. - М.: Изд-во «Языки русской культуры», 2000. - Т. 2. – С. 748.
 24. В. А. Жуковский. <Записка к И. П. Черкасову> / Подготовка текста и прим. И. А. Айзиковой. // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. - М.: Изд-во «Языки русской культуры», 2000. - Т. 2. – С. 748-749.
 25. В. А. Жуковский. «Назад тому с десятков лет...» / Подготовка текста и прим. И. А. Айзиковой. // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. - М.: Изд-во «Языки русской культуры», 2000. - Т. 2. – С. 750.
 26. В. А. Жуковский. «Мой друг, часы летят – и юность погибает!..» / Подготовка текста и прим. И. А. Айзиковой. // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. - М.: Изд-во «Языки русской культуры», 2000. - Т. 2. – С. 752-753.
 27. В. А. Жуковский. Романс / Подготовка текста и прим. И. А. Айзиковой. // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. - М.: Изд-во «Языки русской культуры», 2000. - Т. 2. – С. 753-754.
 28. Айзикова И. А. В. А. Жуковский – переводчик «Избранных сочинений Ж.-Ж. Руссо» (Жанрово-стилевые искания поэта) // Ежеквартальник русской филологии и культуры. – СПб.: Государственный Эрмитаж. - 2000. - Т. III. - № 2. – С. 186-192.
 29. В. А. Жуковский. Избранные сочинения Ж.-Ж. Руссо. Перевод с французского. Письма к Саре (публикация) / Подготовка текста И. А. Айзиковой. // Ежеквартальник русской филологии и культуры. – СПб.: Государственный Эрмитаж. - 2000. - Т. III. - № 2. - С. 192-198.
 30. Айзикова И. А., Канунова Ф. З. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820-1840-е годы). – Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 2001. – 304 с. (Гл 3, 4 /разд. 1, 2/, 7 написаны И. А. Айзиковой – 53 с., в соавторстве с Ф. З. Кануновой написаны гл. 1, 9, заключение и подготовлено приложение – 149 с.).
 31. Айзикова И. А. Перевод романа А. Коцебу «Мальчик у ручья» в творчестве Жуковского и в истории становления русской прозы первой трети XIX века // Филолог. - 2001. - № 2. - С. 40-49.
 32. Айзикова И. А. «Дон Кишот» В. А. Жуковского (к проблеме взаимодействия

- поэзии и прозы) // Европейские исследования в Сибири. Вып. 3. Материалы Всероссийской науч. конф. «Американский и сибирский фронт». 6-8 февр. 2001. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. - С. 150-164.
33. Айзикова И. А. Перевод романа Ж.-П.-К. Флориана «Вильгельм Телль» в творчестве В. А. Жуковского: К проблеме диалога культур // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Материалы 1-ой Международной научно-практической конференции. 28-29 мая 2001 г. – Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2001. - С. 68-71.
34. Айзикова И. А. Неоконченные ранние переводы В. А. Жуковского в прозе (К проблеме становления прозаического слога писателя) // Известия Томского политехнического университета / Том. политехн. ун-т. - 2002. - Т. 305. - Вып. 4 (Тематический выпуск «Язык и межкультурные коммуникации: теоретические и прикладные аспекты»). - С. 117-125.
35. Айзикова И. А. Проза В. А. Жуковского 1810-1820-х гг., эпохи его романтических манифестов // Мир романтизма. Материалы международной науч. конференции «Мир романтизма» (X Гуляевских чтений). Тверь, 12-15 сент. 2002 г. – Тверь: Ред.-изд. упр. Тверского гос. ун-та, 2002. - Вып. 6 (30). - С. 253-261.
36. Айзикова И. А. Повести В. А. Жуковского 1807-1811 гг.: темы, сюжеты, мотивы // Русская повесть как форма времени. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. - С. 39-48.
37. Айзикова И. А. Место прозы в творчестве Жуковского // Проблемы литературных жанров. Материалы X Международной науч. конф. 15-17 окт. 2001 г. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. - Ч. 1. - С. 83-88.
38. Айзикова И. А. Проза В. А. Жуковского в «Вестнике Европы» (1807-1811 гг.): феномен синкретизма // Вестник Томского государственного университета / Том. гос. ун-т. Серия «Философия. Культурология. Филология». - Июнь 2003. - № 277. - С. 115-120.
39. Неопубликованная проза Жуковского (Из тетрадей, составленных для занятий с Великой Княгиней Александрой Федоровной) / Публикация и научный комментарий И. А. Айзиковой // Вестник Томского государственного университета / Том. гос. ун-т. Серия «Философия. Культурология. Филология». - Июнь 2003. - № 277. - С. 121-124.
40. Айзикова И. А. О сочетании переводной и оригинальной прозы В. А. Жуковского в «Собирателе» (К вопросу об эволюции прозы писателя) // Известия Томского политехнического университета / Том. политехн. ун-т. - 2003. - Т. 306. - № 2. - С. 147-154. В соавторстве с И. А. Матвеевко.
41. Айзикова И. А. Историческая тема в поздней прозе Жуковского // Русская литература в современном культурном пространстве. Материалы 2-й межвуз. науч. конф. 1-3 ноября 2001. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2003. – Ч. 1. С. 19-26.
42. Айзикова И. А. О соотношении «своего» и «чужого» в статье Жуковского «Две сцены из «Фауста» (Еще об одном русском отклике на трагедию Гете) // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Сб. науч. тр. – Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2003. – С. 82-88.
43. Айзикова И. А. Философско-исторические и религиозно-нравственные проблемы в прозе В. А. Жуковского // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). –

2003. - Вып. 1 (33). - С. 9-14.

44. Айзикова И. А. Опыты Жуковского-прозаика в жанре литературного портрета (1830-е гг.): К проблеме идентичности // Европейские исследования в Сибири. Материалы Всероссийской науч. конф. 14-16 апр. 2003. - Вып. 4. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 48-63.